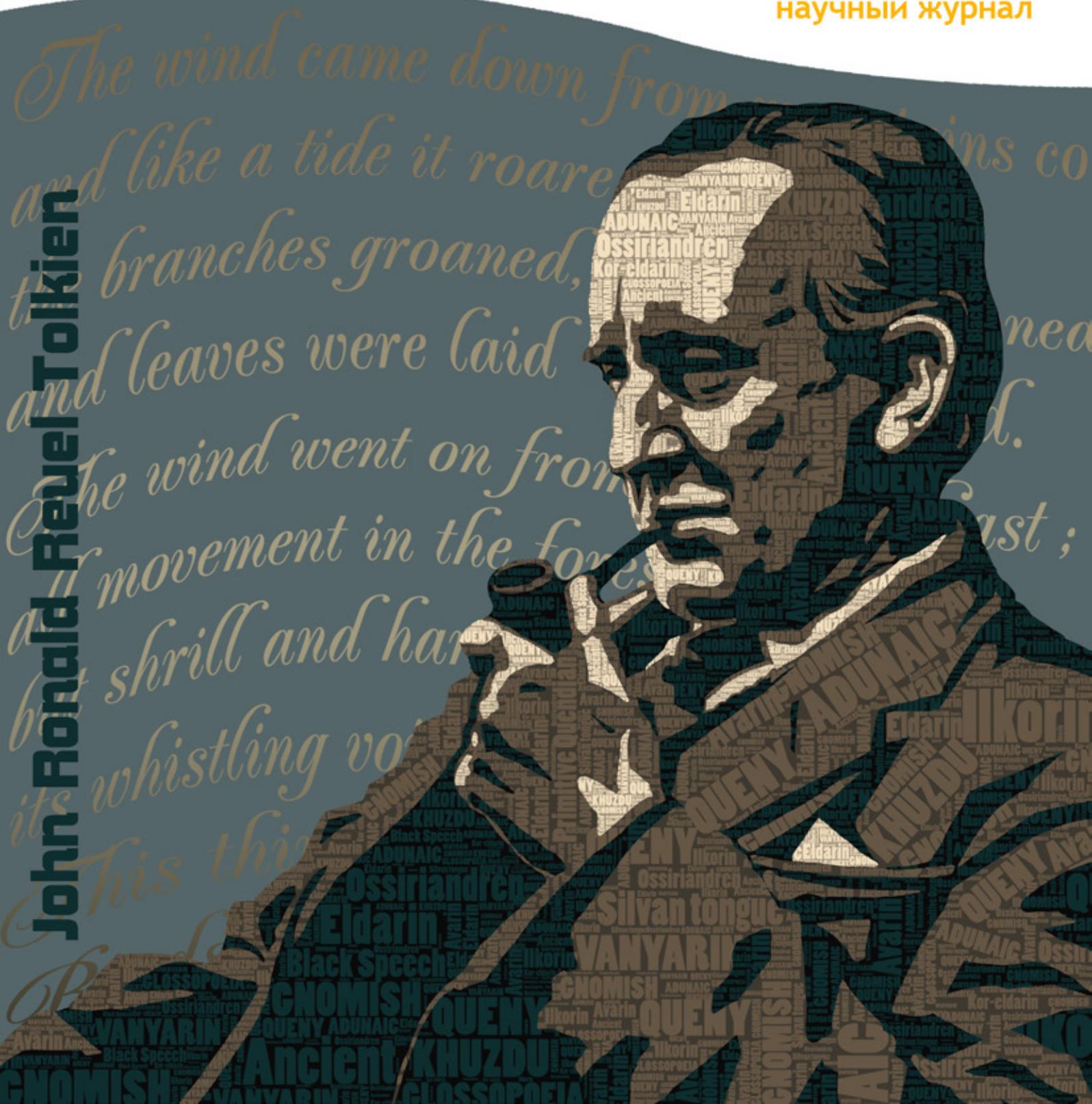

Филология и Лингвистика

международный
научный журнал

John Ronald Reuel Tolkien

ISSN 2412-4028

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 1 (03) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Члены редакционной коллегии:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук*

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.04.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.
Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*
Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*
Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*
Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*
Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*
Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*
Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*
Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*
Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*
Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*
Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*
Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*
Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*
Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*
Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*
Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*
Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*
Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*
Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*
Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*
Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

На обложке изображен Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973) — английский писатель, лингвист, поэт, филолог.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Балтабаева А.М.
От романтизма к «истинному романтизму» в письмах 1824–1826 1

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ощепкова А.А.
Хронотоп дороги в поэзии Н. Е. Ряшенцевой 6

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Воронцова Ю.Ю.
Средства создания речевой портретной характеристики героя (на примере романа З. Смит «Белые зубы») 9

- Здвижкова Е.А.
Концептуальная оценка А. К. Толстым истории развития России 12

- Каминская Е.М.
Поэтика эпиграфа в романе С. П. Бородина «Последняя Бухара» 15

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Ергазина А.А., Исмурзина К.Б.
Функционирование сложноподчиненных предложений в деловом тексте 18

- Капнина Г.И., Коротяева И.Б.
Концепт «цвет» в языковой картине мира 20

- Княжева В.В.
Философско-религиозные темы в поэтическом творчестве тобольской поэтессы Надежды Атабиевой-Шишкиной 23

- Ломаев Б.Ф.
Системное описание семантической парадигматики лексики 26

- Мальшева М.С.
Понятийный слой концепта «поэт» в лирике И. А. Чернухина — пространство, время, человек 28

- Меденцева Н.П.
Тавтологические сравнения, сравнения-оксюмороны и их стилистические функции в идиолекте Анны Ахматовой 30

- Меденцева Н.П.
Стилистические фигуры, тропы и их стилистические функции в стихотворении А. С. Пушкина «Телега жизни» 31

Новикова О.В. Система запретов как нравственный регулятор христианской религиозной культуры	32
Пономаренко Е.А. Регулятивный характер институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений писателей-врачей)	35
Тихомиров С.М. Возникновение, развитие и современная феноменология жаргона наркотизма в России	38
Фильцова М.С., Лугин И.А. Префиксальные глаголы движения в преподавании русского языка нерусским (научный стиль речи)	42
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Захарова М.В. Средства массовой информации как компонент социокультурного развития общества	46
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Холбеков М.Н., Яхшиева З.Ш., Абраимова Н.У. Роль перевода в жизни человечества	49

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

От романтизма к «истинному романтизму» в письмах 1824–1826

Балтабаева Азиза Маннабовна, преподаватель
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Особое значение имеет обширная переписка Пушкина со своим самым большим другом, князем П. А. Вяземским. Их переписка изобилует литературно-критической проблематикой: «...меж ними всё рождало споры и к размышлению влекло»... Во время этих споров каждый был уверен в своей правоте. Позднее, несколько десятилетий спустя, в мемуарных высказываниях, Вяземский признаёт во многом правоту Пушкина. Но при жизни поэта, в разгаре письменных сражений и бесед, каждый самозабвенно отстаивал свои взгляды. К сожалению, писем Вяземского к Пушкину за годы ссылки сохранилось очень мало, а то проще бы было избавить Пушкина от клеветы. В письмах Пушкин и Вяземский острят, не стесняются в выражениях.

Переписка друзей дошла до нас не в полном объёме, оттого, что поэт вынужден был многое сжечь в Михайловском. И свои рукописи, и автобиографические записки, и острые и небезопасные в политическом смысле письма Вяземского, написанные после поражения декабристов. Именно откровенный характер их переписки особенно драгоценен для нас, так как приоткрывает многие существенные черты биографии и творчества Пушкина, которые в ином случае остались бы неизвестны или непонятны.

1824 год прошел в ожесточенных литературных схватках. В центре их находилась полемика между М. Дмитриевым и князем Вяземским о принципах романтизма. Постепенно полемика вовлекла в свою орбиту новых участников (к Дмитриеву присоединился Писарев, к Вяземскому — Грибоедов) и неприметно превращалась из принципиального спора в личную перебранку. Споры не уменьшались на журнальных страницах: противники засыпали друг друга градом эпиграмм, вставляли полемические выпады даже в невинные водевили, наконец, стали прибегать к явно «нелитературным» приёмам. Несмотря на то, что борьба шла с переменным успехом, к концу 1824 года Дмитриев и Писарев имели известные резоны считать себя победителями: Вяземский запутался в определениях, и даже Пушкин советовал прекратить ему журнальную перебранку, выражая в то же время несогласие с рядом его мыслей...

Поэт, разумеется, знал о существовании в России подпольных оппозиционных обществ — в них принимали непосредственное участие многие его друзья. К тому времени отношение к фрондерству у Пушкина приобрело иронический характер. В письме к кн. П. А. Вяземскому он признавался: «Давно девиз всякого русского есть чем хуже, тем лучше. Оппозиция русская, составившаяся, благодаря русского Бога, из наших писателей, каких бы то ни было, приходила уже в какое-то нетерпение, которое я исподтишка поддразнивал, ожидая чего-нибудь» (24–25 июня 1824 г. Михайловское)

В 1825 году у Пушкина складывается оригинальная концепция романтизм. Свои взгляды на романтизм Пушкин изложил в незаконченной им черновой статье «О поэзии классической и романтической», написанной в 1825 году. «Отметим, что критики «обыкновенно относят к романтизму все, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное», — заключает Пушкин [1, с. 16]. В «Евгении Онегине», в третьей главе, оконченной в октябре 1824 г., осуждаются каноны как классицистической, так и романтической литературы:

Или Мельмонт, бродяга мрачный,
Питая жар чистейшей страсти,
И там уж торжествует он.
Да пьяный топот трепака
Бывало, пламенный творец
И в их творениях
Перед избушкой две рябины,
На небе серенькие тучи,
Свой слог на важный лад настроя,
Иные нужны мне картины:
Воды я много подмешал.
И привлекательным лицом.
Порок любезен, и в романе,
Британской музы небылицы
Мораль на нас наводит сон [2, 19]

В 1830 году в главе «Путешествия Онегина» Пушкин сам описал смену направлений в своем творчестве, связав эту смену с пробуждением в нем глубокого ин-

тереса к повседневной реальной жизни родного народа, русского общества.

Пришли романтики,
Являл нам своего героя
А нынче все умы в тумане,
Как совершенства образец.

В данном четверостишии Пушкин отдает дань романтическому направлению, которому сам некогда принадлежал.

И при конце последней части
Раздолье уток молодых;
Тревожат сон отроковицы,
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Люблю песчаный косогор,
Перед порогом кабака.
Калитку, сломанный забор.

В противовес же ранее вдвинутой концепции Пушкин дает новый идеал-реализм изображения — теперь это не высокие идеалы романтического мировоззрения, но уже обыденные реалии пушкинского быта.

Пушкин дает критическую оценку и романтической драматургии Байрона. В трагедиях Байрона Пушкин, не находит драматического плана:

«Каин имеет одну токмо, форму драмы, но его бес-
связные сцены и отвлеченные рассуждения в самом
деле относятся к роду скептической поэзии Чайльд Га-
рольда» [1, 15]. Байрон не сумел создать многооб-
разия характеров. «В конце концов, он постиг, создал
и описал единый характер (именно свой), все, кроме не-
которых сатирических выходов, рассеянных в его творе-
ниях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу,
столь таинственно пленительному. Когда же он стал со-
ставлять свою трагедию — то каждому действующему
лицу роздал он по одной из составных частей сего мрач-
ного и сильного характера и таким образом раздробил
величественное свое создание на несколько лиц мелких
и незначительных» [1, с. 16]

Углубляясь в оценки Пушкина современной ему за-
падноевропейской литературы, мы утверждаемся
во мнении, что когда-то восхищавшийся Байроном
Пушкин теперь настраивается все более критически
к английскому поэту. Получив известие о неожиданной
кончине Байрона, Пушкин писал Вяземскому: «Гений
Байрона бледнел с его молодостью» (П. А. Вяземскому
от 26 ноября 1824 г.). Совсем недавно называвший себя
в шутку «Разбойником-романтиком», Пушкин начинает
критически переоценивать романтизм и Байрона, про-
тивопоставляет влияние Шекспира. Романтизм оказы-
вался в глазах Пушкина вовсе не так свободен, как он
заявлял о себе: романтики исключили из сферы поэзии
все обыденное, повседневное как недостойное!

У Пушкина взгляды на романтизм вполне соответ-
ствовали духу его романтического творчества. Большин-
ство замечаний и высказываний Пушкина о романтизме
относится к 1824–1825 годам, когда были завершены
или завершались южные поэмы.

Высказывания Пушкина о романтизме, хорошо из-
вестные порознь, не приведены в систему. Высказанные

в разное время и по разным поводам, они как бы допол-
няют, уточняют, разъясняют друг друга и — в своей со-
вокупности — выражают продуманную и устойчивую
систему взглядов. «Кстати: я заметил, что все (даже
и ты) — писал Пушкин, обращаясь к Вяземскому, —
имеют у нас самое темное понятие о романтизме» (25 мая
и около середины июня 1825 г. Из Михайловского в Мо-
скву). В другом письме к Бестужеву он пишет: «Сколько
я ни читал о романтизме, все не то; даже Кюхельбекер
врет». (30 ноября 1825 г. Из Михайловского в Петер-
бург) Корень заблуждений современников поэт видит
в том, что «под общим словом романтизма» они «раз-
умеют произведения, носящие на себе печать уныния
или мечтательности». Надо сказать, что само понятие
«романтизм» Пушкин часто употребляет в разных зна-
чениях. Этим словом он обозначает одновременно и со-
временное ему литературное направление, и ту давнюю
литературную традицию, на которую это направление
опиралось. Иными словами, романтизм был для поэта
понятием вполне конкретным, исторически и хроноло-
гически локальным и понятием более общим, более ши-
роким — как мы бы теперь сказали, типологическим.

К тому же русский романтизм гораздо теснее связан
с явлениями доромантическими — традициями пред-
шествующих литературных направлений. С другой сто-
роны, художественное наследие романтизма гораздо
в большей мере, чем это было на Западе, сохраняло
живое значение для последующей эпохи, для круп-
нейших писателей-реалистов — даже второй половины
XIX века. Относительная неразвитость романтических
начал, переплетение и взаимодействие их с началами до-
и послеромантическими, «синкретический» характер
литературного движения — таковы важнейшие при-
меты и свойства русского романтизма. [3, с. 23]

Пушкин часто подчеркивал свое несогласие с наи-
более распространенными определениями романтизма.

В шестой главе «Евгения Онегина», Пушкин, ци-
тируя предсмертные стихи Ленского замечал:

Так он писал темно и вяло
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут нимало
Не вижу я; да что нам в том?) [4, с. 45]

Это ироническое замечание по поводу стихов было
похоже на сделанное Пушкиным позднее, в 30-е годы
категорическое заявление: нельзя относить к романти-
ческой литературе «все произведения, носящие на себе
печать уныния или мечтательности» [5, с. 13].

Этому взгляду способствует замечание Пушкина
в письме к Вяземскому о скуке, концепте часто встечаю-
щемся в переписке с друзьями этого периода.

В письмах 1824 г. Пушкин от обыденного воспри-
ятия своего положения переходит к философским раз-
мышлениям явления «скуки» русского человека: «Тебе
скучно в Петербурге, та мне скучно — в деревне.
Скука — есть одна из принадлежностей мыслящего
существа». (К. Ф. Рылееву вторая половина мая 1825 г.
Из Михайловского в Петербург).

Концепт скуки в данном контексте также обретает
новый смысл. Скука — это не просто томление от от-

сутствия дела или интереса жизни, но это уже томление от переизбытка знания и отсутствия интереса не только к жизни, но и в целом к бытию вследствие осознания бессмысленности существования в целом.

Всякое мыслящее существо способно к анализу и наблюдению окружающей действительности, а сам Пушкин, будучи еще и гениальной творческой личностью, как никто чувствует бессцельность жизни и всей деятельности без возможности творчества. Отсюда лексема скука обретает новое значение: в его содержании совмещаются надежда/безнадежность.

Взгляды Пушкина на романтизм были прежде всего антиклассическими. Пушкин высмеивал и осуждал тех, кто пишет «по всем правилам парнасского православия». Он утверждал, что романтическая школа «есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства». Пушкин рассматривал романтизм как подлинную революцию в области формы. В одном из писем к П. А. Катенину он говорил о «перевороте» в словесности, который должны произвести романтики.

Теоретические позиции Пушкина определяли и его взгляды на конкретную историю романтизма. Пушкин относил к романтической литературе произведения Данте, Шекспира, Сервантеса, Лопе де Вега и многих других писателей. Это довольно неожиданно, но с точки зрения теорий Пушкина, который считал самой привлекательной чертой поэта-романтика художественную смелость разрыва с общепринятыми нормами, было вполне логичным.

Таким образом, Пушкин теоретически определял романтизм как отказ от старых классических литературных форм. В своей переписке Пушкин дал ряд высказываний о романтических героях в жизни. Эти высказывания проливают яркий свет на то, в чём он видел содержание романтизма. Пушкин не считал, что романтических героев в современной ему русской жизни можно найти только среди разочарованных молодых людей, читающих Байрона. Он связывал с понятием романтизма людей, совершенно чуждых чувствам уныния и разочарованности. Это люди, отличающиеся бурными страстями, которые являются героями самых необыкновенных приключений, поднимающих человека над обыденностью. Таким образом Пушкин включал в интеллектуально-психологическую сферу романтизма необыкновенное, поднимающее человека над повседневностью. Как художник он воплотил это в своих произведениях. Пушкин хотел нарисовать в своих романтических произведениях именно современного героя.

В «равнодушии к жизни, к её наслаждениям», в «преждевременной старости души», т. е. в душевной охладелости романтического героя, он видел «отличительные черты» «молодёжи 19-го века».

Впервые в русской романтической литературе Пушкин создаёт образ современного героя, живущего интересами и волнениями своего века. Этим объясняется успех пушкинских «южных поэм». В противоречивом внутреннем мире их главных героев и в их необычайной судьбе современники узнавали самих себя.

Пушкин-романтик изображает исключительные, чаще всего контрастные психологические состояния, не-

похожие на пошлую уравновешенность среднего человека. Пушкин-художник черпал тонкие психологические нюансы человеческой души из собственной жизни. В письмах 1824–1826 гг. как нигде лучше отражаются чувства, переполнявшие поэта в этот период.

В письмах А. С. Пушкина в период Михайловской ссылки с завидной периодичностью встречаются лексема: скука, хандра, тоска, грусть, образующие концепт «скука». Этот концепт характеризует душевное состояние поэта в период ненавистной ему ссылки. Однако с течением времени пребывания в Михайловском мы можем наблюдать изменения как во внутреннем мире поэта, так и в содержании концепта «скука».

В письмах 1824–1826 гг. концепт «скука» встречается в различных интерпретациях и значениях: скука, грусть, хандра, тоска. Все эти лексемы входят в синонимический ряд, опорным словом которого является лексема скука.

Лексема скука встречается наиболее часто в различных формах: существительное — скука и наречие — скучно. Причем наречная форма более употребительна.

В письмах 1824 г. «скука» представлена в своем прямом значении: «томление от отсутствия дела или интереса к окружающей среде [6, с. 34]». Это состояние поэта вполне закономерно. 1824 г. — несправедливый и позорный статус ссыльного поэта, оказавшегося в одиночестве и разлуке со своими друзьями, единомышленниками, вдали от любимого дела — литературы. Самое страшное, что сопровождало Пушкина в Михайловской ссылке — запрет писать. Поэтому в эпистолярная речь поэта изобилует лексемой «скука»: *«умираю скучно»*, *«скука смертная везде»*, *«скучно, да нечего делать»*. (в письмах к Л. С. Пушкину от 1–10 ноября 1824 г. из Тригорского в Петербург; П. А. Вяземскому от 8–10 октября 1824 г. из Михайловского в Петербург; Д. М. Шварцу от 9 декабря 1824 г. из Михайловского в Одессу)

Немаловажным является и то, что автор использует традиционные устойчивые сочетания с лексемой «скука». Эти сочетания слов подразумевают одно явление — смерть. Так, Пушкин сравнивает скуку со смертью, то есть состояние, вызванное ссылкой — бездействие и отсутствие интереса к действительности — подобны смерти.

В письмах 1825 г. концепт «скука» наделяется новым смысловым оттенком:

«Войнаровский» мне очень понравился. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня» (Л. С. Пушкину от мая 1825 г. из Михайловского в Петербург)

В этом отрывке из письма к Вяземскому прослеживается явный отход от традиционного толкования слова «скука», который мы встречаем в предыдущих текстах.

Если в письмах 1824 г. концепт «скука» включает в себя следующие понятийные признаки: **одиночество/отрешенность от людей; мука/томление, молчание, боль**; то в этом отрывке данное понятие выступает в явно переносном значении. Значение слова жаль накладывается на значение слова скука, отсюда мы получаем *«сожаление, досада при отсутствии чего-либо»*.

Пушкин восхищается произведением Рылеева, но в то же время испытывает чувство жалости вследствие отсутствия поэмы. Так, в данном контексте лексема скучно совмещает в себе такие противоположные признаки, как **обретение/утрата**. Радость обусловленная обретением, знакомством с новым произведением, знанием — чтением поэмы Рылеева и жалостью в связи с ее отсутствием.

Другой интерпретацией концепта скука является лексема грусть. Эта лексема встречается 4 раза в письмах Михайловского периода. В письмах 1824 года и 1826 года мы обнаруживаем использование этого понятия. В своем прямом значении лексема грусть определяется, как и чувство печали, уныния.

В двух случаях использование этой лексемы обусловлена явно подавленным состоянием поэта: *«обнимаю тебя горячо, хотя и грустно»*

«когда-то свидимся...когда-то» (В. А. Жуковскому от октября 1824 г из Михайловского в Петербург; Н. В. Всеволожскому от октября 1824 г. из Михайловского в Петербург)

Здесь Пушкин одолевает светлая печаль. Вынужденная разлука с близкими друзьями заставляет поэта «грустить», предаваться унынию. Однако это чувство не навеивает на негативное восприятие: есть хоть капля надежды на скорую встречу. Эта надежда подкреплена неопределенным местоимением — **когда-то**. Использование именно неопределенного местоимения дает возможность читателю иметь надежду, а не чувствовать полную безнадежность положения поэта.

В последнем случае использования лексемы грустно Пушкин уже наделяет это слово еще большей положительной коннотацией:

«Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму<...>ей-богу грустно» (П. А. Вяземскому от 9 декабря 1826 г. из Михайловского в Петербург).

В первой части письма Пушкин говорит о своей долгожданной радости: обретенной свободе, это радость, вызванная тем, что поэт покидает полюбившуюся ему деревню. Затем автор мимолетно упоминает о грусти, которая зародилась в его душе, по причине того, что он расстается с привычным, ставшем родным местом пребывания, пусть даже тюрьмой.

Лишь в одном случае использования лексемы грустно в письмах 1824—1826 гг. Пушкин наделяет это понятие отрицательной негативной оценкой.

«Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю». В письме к Вяземскому от 10 июля 1826 г. Пушкин пишет о потере надежды на освобождение из ссылки. Это уже не светлая печаль, а мучение и глубокая боль, подтверждаемая присутствием смерти «хоть сейчас в петлю» является ключевым моментом в данном отрывке. Именно данное словосочетание актуализирует ассоциативный ряд: **грусть-петля-смерть**. Пушкина, обуреваемого чувствами безнадежности и одиночества, все чаще посещают мысли о смерти, которая кажется милее, чем жизнь в клетке.

Вскоре начинается отход Пушкина от романтизма. В Михайловском, в процессе работы над «Борисом Годуновым», у Пушкина возникает понятие «истинного романтизма». В письме А. Бестужеву от 30 ноября 1825 года Пушкин, сообщая о «Борисе Годунове», пишет: «Я написал трагедию и ею очень доволен, но страшно в свет выдать — робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма». Он имел здесь в виду то, что позднее стало называться реализмом. В «Борисе Годунове» он дал верное изображение лиц, времени, развития исторических характеров и событий в духе принципов «истинного романтизма», то есть реализма и народности.

Помимо собственно художественных опытов в создании «истинного романтизма» Пушкин немаловажное внимание уделял формированию критики в русской литературе. В письме к А. А. Бестужеву от июня 1825 г. Пушкин восклицал: «критики у нас недостает <...> мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги <...> покамест мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет — а ты достоин ее создать».

В этом письме поэт призывает Бестужева сформировать русскую критическую школу, ссылаясь на его поэтический и истинный, в нашем контексте реалистический, талант. Пушкин указывает на скорую гибель русской литературы без существования критики.

В другом письме уже к П. А. Катенину от февраля 1826 г., развивая эту мысль, Пушкин пишет: «голос истинной <реалистической> критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критики. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли».

Пушкин всеми доступными ему способами пытается оживить этот род словесности, сам того, не замечая, как формирует ее истоки. В более ранних письмах 1824 г. Пушкин дает оценку многим литературным новинкам, которые доступны ему в ссылке. «Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек — но Грибоедов очень умен» и в другом письме «Следственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то — — -, не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл; не нужно было сделать из него труса?<...> а знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остроумиями и сатирическими замечаниями».

В легких иронических замечаниях к Вяземскому и Бестужеву Пушкин предстает перед нами как талантливый и тонко чувствующий наблюдатель, умеющий оценивать как достоинства, так и недостатки произведения.

В этих отрывках практически дается глубокий критический анализ своеобразия грибоедовской комедии как совершенно нового литературного явления.

Однако поэт был жестким критиком не только произведений своих современников, но и своих собственных. «Твое письмо очень умно, но все-таки ты неправ, все-таки ты смотришь на «Онегина» не с той точки зрения, все-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с «Дон Жуаном». — Никто более меня не уважает «Дон Жуана», но в нем нет ничего общего с «Онегиным». Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? О ней и помину нет в «Евгении Онегине». У меня бы затрещала небрежная, если б коснулся я сатиры. Самое слово «сатирический» не должно бы на-

ходиться в предисловии. Дождись других песен... <...> 1-я песнь просто быстрое введение, и им я доволен (что очень редко со мной случается)» (Бестужеву от)

В этом письме к Бестужеву Пушкин яростно защищает свое произведение, но

в последнем замечании, данном в скобках, поэт подчеркивает всю свою спесь самодовольного творца, а выступает как истинный критик к своим произведениям. Насколько труден был путь создания всех его произведений, мы можем судить по этой одной строке.

Опережая всех своих современников в поисках нового пути развития русской литературы, Пушкин принимает участие в запутанных дискуссиях своих друзей-литераторов, предлагает в письмах собственную концепцию «истинного романтизма» и осуществляет ее в изменившемся стиле эпистолярной прозы;

Литература:

1. Пушкин, А. С. О поэзии классической и романтической // Полн. собр. соч. в 10 т. — М., 1979. — с. 176
2. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. -Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. — Т. 1–10
3. М. Гончаров. Пушкин и романтизм // <http://www.proza.ru/>
4. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. -Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. — Т. 1–10
5. Письмо к издателю «Московского Вестника» // <http://febweb.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-051.htm>
6. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова Толковый словарь русского языка.. — М., 1992 // http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Хронотоп дороги в поэзии Н. Е. Ряшенцевой

Ощепкова Анастасия Андреевна, студент

Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

Хронотоп пронизывает искусство и литературу всех времен и народов, является важнейшим компонентом художественного мира произведения: определяет его художественное единство в отношении к реальной действительности. Особенностью такого единства, обращенного к реальности, является то, что все временные и пространственные определения неотделимы друг от друга и выступают как эмоционально-окрашенное целое, имеют сюжетообразующее значение, носят чувственно-наглядный характер, выступают основой для определения жанра произведения, разграничивают и соединяют миры автора и читателя.

Термин «хронотоп» впервые был введен физиологом, философом А.А. Ухтомским, следовавшим за Эйнштейном, в контексте его физиологических исследований. Затем, благодаря работам М.М. Бахтина термин перешел в гуманитарную сферу [1]. Исследованием хронотопа занимался и Д.С. Лихачёв [5], взгляды которого мы также учитывали в контексте нашего исследования.

Определяющим при написании работы было определение М.М. Бахтина, согласно которому хронотоп — «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» [1, с. 234]. Основываясь на этом определении, М.М. Бахтин создает классификацию хронотопов, в которой выделяются семь видов пространственно-временных отношений: «хронотоп встречи», «хронотоп дороги», реальный хронотоп — «площадь» («агора»), «замок», «гостинная-салон», «провинциальный городок», «порог» [1].

Произведения русской литературы в целом наполнены хронотопами всех семи видов, однако некоторые из них встречаются чаще, чем другие — например, хронотоп дороги. Не является исключением и художественное творчество тюменской поэтессы Н.Е. Ряшенцевой, творческий потенциал которой распространился, в основном, на сферу лирики (сборник «Я родом из старой деревни»), в меньшей степени — на прозу (немногочисленные публикации в периодических изданиях).

Целью исследования явилось выявление особенностей художественной индивидуальности Н.Е. Ряшенцевой на основе характеристики хронотопа дороги в лирических произведениях поэтессы в рамках классификации М.М. Бахтина. В процессе работы было установлено, что хронотоп дороги встречается в 5-ти

из 90-ти текстах сборника. Это стихотворения: «Слышишь голос недалече...», «Сегодня мы с сестренкой Олей...», «Я спешу на свидание с юностью...», «Замела метель пути...», «Старая дорога...».

В стихотворении «**Слышишь голос недалече...**» хронотоп дороги рассматривается через пейзаж, отраженный в мировосприятии двух разных людей: лирического героя и ямщика. «За березовым за колком» лирическому герою слышится голос, источник которого, по его субъективному представлению, локализуется где-то «недалече», но, тем не менее, не достигаем для глаз. Художественное пространство стихотворения определяется как пространство, возникшее в точке, где лирический герой только слышит голос, а заканчивается точкой, в которой он достигает источник голоса, в месте, где дом, горячий чай и молодая хозяйка, проглядевшая все окошки в ожидании путников. По-другому пейзаж раскрывается в восприятии ямщика — «Никого вокруг, поземка/кружит, снег в лицо бросает./В чистом поле санный след/в дикой пляске замечает,/не видать не зги» [6, с. 11]. В отличие от лирического героя, видящего в перспективе, дальше того, что он видит своими глазами, ямщик видит только то, что перед его носом. Из того, что видит ямщик, можно заключить то, что он устал и не хочет верить в то, что они уже близки к дому. Развитие сюжетного компонента стихотворения разрушает «спор» лирического героя и ямщика — они дома. «...И кони/с храпом мчатся напрямую./Они дом родимый чувят/сквозь туман и мглу ночную.../Вот и впрямь запахло дымом, где-то слышен лай собачий» [6, с. 11]. Для рассмотрения хронотопа дороги в данном стихотворении важен образ коней, который создает динамику, подводит сюжетную линию к развязке. Кони чувствуют, что они близки к дому и уже не просто бегут, а именно «мчатся».

Благодаря описанному пейзажу определяем и промежуток времени, запечатленный в стихотворении — время в дороге, в пути — ночное время. В культурологическом аспекте ночь представляется как время тьмы и сомнений, возможно, именно поэтому мы вместе с лирическим героем и ямщиком испытываем некое волнение и тревогу, обусловленные мечтами о доме, об отдыхе.

В стихотворении «**Сегодня мы с сестренкой Олей...**» создается национальный пейзаж и на его фоне раскры-

ваются личностные качества лирической героини и её сестры. На основе маленького путешествия двух сестер нам показан небольшой кусочек огромной страны с её необычайной красотой и величием. Здесь очевидна поэтизация территориального размаха и использование приема панорамы. При помощи использования такого поэтического пространства читатель понимает, что любовь к Родине лирической героини и её сестры — двух маленьких девочек, очень велика. Они с большой любовью обращают внимание то на таинственное болото, то на широкое поле, то на ручей, то на родник; лес, туман, пенье птиц, рассвет и всё кажется им прекрасным. Стоит учесть и художественное время стихотворения — утро. Утро — символ начала жизни, отрешения от забот и в то же время возвращения от сладостного дурмана-сна к суровым жизненным реалиям. Утро в жизни человека — детство. Неслучайно лирическая героиня — это маленькая девочка, потому что именно она способна более полно ощущать всю красоту родной земли и искренне любить её за это, а помогает уточнить это хронотоп дороги.

Стихотворение **«Я спешу на свидание с юностью...»** посвящено прошлому, его сюжет развивается в рамках мотива воспоминания. Условно текст можно поделить на две части.

В первой части лирическая героиня добирается до «отправной точки» своих воспоминаний. Для неё этой точкой является отчий дом. То есть художественным пространством вновь, как и в предшествующих произведениях, является дорога, но особенность в том, что это дорога от настоящего к прошлому, к воспоминаниям о доме детства лирической героини. Очевидно, что героиня довольно долгое время не была здесь: она «спешит», «торопится», «боится опоздать» «на свидание с юностью», погрузиться в воспоминания. Оказавшись на месте вовремя, «успев», героиня стоит под цветущей сиренью и смотрит в окно заброшенного дома, надеясь увидеть в нём своей «юности дальнюю тень», погружается в глубины своей памяти. На этом моменте происходит плавный переход ко второй части. В ней, лирическая героиня обращается к так и невиденной ею юности: «где ты, юность моя золотая, соловьиный, тревожный рассвет?» [6, с. 22].

Пейзаж стихотворения лаконично вплетается в структуру хронотопа дороги — героиня наблюдает его «по пути»: проходит «деревенской широкой улицей», достигает старого дома и сирени. Именно эта сирень становится значимой деталью для понимания концептуального смысла стихотворения. Обратим внимание на семантику сиреневого цвета. «Сиреневый цвет» — он же куст сирени, который обрывают, символизирует в культуре чистую совесть и спокойствие души. Так и лирическая героиня проживает годы с чистой совестью, с душевным спокойствием, она принимает жизнь такой, какая она есть — со всеми её минусами и плюсами. Оборванный цветок, куст сирени ассоциируется с юностью лирической героини, а то, что это действие уже произошло, ещё раз указывает на художественное время происходящего — май (зрелость природы, последний месяц весны,

время любви, новых мечтаний, воспоминаний), зрелость героини.

Стоит так же обратить внимание на запахи, окружающие героиню. «Кружат голову запахи мая» — читаем мы в одной из строк. С одной стороны, мы можем выделить здесь очень яркое чувственное начало, ведь прочитав эту строчку, мы как наяву представляем эти весенние майские запахи. С другой стороны, мы можем рассмотреть идейно-смысловое значение этих запахов: отсылка к юности героини.

В стихотворении **«Замела метель пути...»** воссоздан хронотоп дороги домой. Возникает невольная ассоциация со стихотворением известного поэта XIX века Я. П. Полонского «Зимний путь», онейропоэтика которого подробно рассмотрена в современном литературоведении [2, 3]. В обоих стихотворениях пейзаж создается образами метели, вьюги в чистом поле. Вьюга и метель и в том, и в другом случаях сигнализируют о художественном времени — это зима, привнося при этом в стихотворения ноты тревоги и запутанности. В стихотворении Н. Е. Ряшенцевой всё вокруг безлюдно, ни единой души, и среди этого пейзажа лирического героя мучает тревога. Он задается вопросом: «как добраться мне домой?», но этот вопрос не предполагает, что герой потерялся, сбился с пути, а сообщает читателю о сложностях, с которыми ему впало столкнуться в дороге. Одна из сложностей — густой лес (художественное пространство), разделяющая лирического героя с близким ему человеком. В мифологии различных народов лес — одно из основных местопребываний сил, враждебных человеку [4]. Из этого можно сделать вывод о том, что добраться до дома герою сложно, но он не опустит руки, не остановится, о чем свидетельствует завершение стихотворения многоточием. «Всё ещё впереди», — словно подсказывает поэтесса лирическому герою.

В стихотворении **«Старая дорога...»** центральный образ — это дорога и то, что расположено по обе её стороны. Так пространственное определение художественного мира стихотворения совпадает с хронотопом в целом. Дорога, каждая деталь пейзажа, увиденного лирической героиней, представляют собой символы малой родины — деревни, как для неё, так и для самой поэтессы. Извилистая дорога, как символ свободы, отсутствия рамок, существующих в городе, откуда едет героиня, поле голубых васильков, которые напоминают озера на дальних расстояниях, что тоже служит неким символом раздолья деревни, её умиротворяющей силы, густые хлеба, как символ богатства и плодородия. Все эти места, несомненно, связаны с детством героини и она сама говорит об этом:

Головой, как в омут, в детство
Окунуть,
По дороге пыльной босиком
Пройдусь [6, с. 58].

Детство для лирической героини было счастливой порой. Об этом говорит такой элемент пейзажа, как солнце, символизирующее всю теплоту детства и родного дома, а также — горячая дорога под ногами, как попытка воссоздания тех чувств, которые были воз-

можно в детстве. Однако все попытки лирической героини воссоздать те чувства, тщетны. Заметим, что она прекрасно понимает, почему это происходит и не грустит, лучшее, что у нее осталось — сладкие воспоминания. Пора детства героини является художественным временем стихотворного текста, которое в совокупности с художественным пространством дороги, позволяет вывить любовь поэтессы к Родине.

Целью исследования явилось выявление особенностей художественной индивидуальности Н.Е. Ряшенцевой на основе характеристики хронотопа дороги в лирических произведениях поэтессы в рамках классификации М.М. Бахтина.

Таким образом, рассмотрение пространственно-временных отношений стихотворений Н.Е. Ряшенцевой

в рамках классификации М.М. Бахтина делает возможным выявление особенностей художественной индивидуальности поэтессы. Хронотопы пронизывают все её поэтическое творчество, а хронотоп дороги является центральным, позволяя передать не только путь лирической героини или лирического героя, как направление движения от пункта «А» в пункт «В», но и отразить детали жизненного пути, выявляя реалии жизни самой поэтессы. Важно отметить направление движения хронотопа: дорога в большинстве случаев направлена в сторону дома, родной стороны, а это значит, что хронотоп дороги, кроме всего прочего, выявляет любовь автора и его героев к Родине и может рассматриваться как элемент создания патриотического подтекста художественных произведений Н.Е. Ряшенцевой.

Литература:

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст]: Исследования разных лет/М.М. Бахтин — М.: Худож. лит., 1975. — 504 с.
2. Вьюшкова, И.Г. К вопросу о применении мотивного анализа поэтического текста в курсе литературы в 10-м классе (на примере творчества Я.П. Полонского) // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электронный научный журнал. — 2009. № 3 (март). с. 1318.
3. Вьюшкова, И.Г. Сон как вставной компонент в поэзии Я.П. Полонского [Текст]/И.Г. Вьюшкова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). — СПб.: Реноме, 2013. — с. 6–8.
4. Жюльен, Н. Словарь символов [Текст]: Иллюстрированный справочник/Н. Жюльен. — Челябинск: Урал Ltd., 2010. — 498 с.
5. Лихачёв, Д.С. Литература — реальность — литература [Текст]/Д.С. Лихачёв — Л.: Сов. писатель, 1981. 215 с. (Переизд. 1984, 1987).
6. Ряшенцева, Н.Е. Я родом из старой деревни... [Текст]/Н.Е. Ряшенцева. — Тюмень, 2005, — 64 с.
7. Хализев, В.Е. Теория литературы: Учебник [Текст]/В.Е. Хализев. — М.: Высш. шк. 2007. — 405 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Средства создания речевой портретной характеристики героя (на примере романа З. Смит «Белые зубы»)

Воронцова Юлия Юрьевна, студент
Московский городской педагогический университет

Творчество современной английской писательницы З. Смит представляет собой интересное явление с точки зрения мультикультурной парадигмы. Кросс-культурное смысловое «напряжение» во многом художественно конструируется автором именно в речевой зоне персонажей, принадлежащим к разным нациям и культурам.

«Речевая характеристика героя определяется подбором «особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей». [1, с. 364]. Другими словами, речевые характеристики героя выступают внутри произведения средством создания художественного образа. Поскольку «языковая личность героя» является порождением сознания автора, даже несмотря на то, что персонаж имеет свой индивидуальный лексикон, анализ которого способен отразить уровень интеллекта, культурные, социальные, гендерные, личностные аспекты и характеристики персонажа, она тесно связана с языковой личностью самого автора. С точки зрения взаимодействия с авторским дискурсом речевые особенности персонажей могут как сближаться с языком автора, так и значительно стилистически отличаться от него. Соответственно, анализ языковых личностей главных героев романа позволяет судить о языковой личности самого автора.

Одним из главных героев романа «Белые зубы» является Арчибалд Джонс, воплощающий в себе собирательный образ обычного, ничем не примечательного человека. С первых реплик Арчибалда Джонса становится ясно, что он — не успешный и неуверенный в себе мужчина, потерявший свои корни и цели в жизни. Вот так Джонс говорит о своей фамилии: «I'm a Jones, you see. 'Slike a «Smith». We're nobody. ... My father used to say: «We're the chaff, boy, we're the chaff».¹ Данный пример показывает, что его неуверенность и утрата веры в свою уникальность на уровне языка проявляются через необычное употребление неопределённого артикля

с фамилией, которое относит его к классу ему подобных и передает значение «один из ...». Это употребление артикля в автохарактеристике героя подчеркивает мнение Арчибалда Джонса о своей собственной заурядности и обыкновенности.

Показательно и использование отрицательного местоимения «nobody», свидетельствующее о его невысоком мнении о себе как о личности и о заниженной самооценке. В современном английском отрицательное местоимение «nobody» обладает следующим пейоративным значением: «a nobody» as «a waste of a life», «someone, who doesn't deserve to be a person» (кто-то, кто не заслуживает быть человеком). [2] Неуверенность Арчи Джонса, его нежелание быть ответственным и принимать решения проявляются в его речевой манере. Рассмотрим следующие примеры: «**Not up to me now, not up to me, is it? I mean, is it? And what about the coat-stand?**»², «I mean, you've got to protect your family, **haven't you?** Not that you've failed in that depar — **you know what I mean** — 'just the way I see it».³ Здесь обращает на себя внимание информативно необоснованный повтор слов и частей предложения, которые характерны для разговорной эмоционально-возбужденной речи и несут стилистическую функцию. Данное свойство языковой манеры Джонса отражает его сомневающуюся натуру и отсутствие своего мнения. Использование большого количества разделительных вопросов с целью подтверждения сказанных собеседником слов также демонстрирует неуверенность говорящего. Речь Арчибалда изобилует разделительными вопросами, причём зачастую их употребление продиктовано не условиями конкретной речевой ситуации, а самой манерой речи героя. Иллюстративны в этом контексте следующие фрагменты: «Well... I can't... **I mean, it's not for me to say... I suppose, if he wants... but then again, if you don't think...**»⁴, «Why — **I mean**, you are not really so much of an idiot, are you — you do know, **I presume** you know that I am in

¹ «Вот я Джонс, понимаешь. Все равно, что Смит. Мы — никто... Отец часто говорил: «Мы жмых, малыш, жмых».

² «Нет, это не мне решать, ведь так? Правда? А как насчет вешалки?».

³ «О своих нужно заботиться, верно? Я не в упрек, не подумайте, я хотел сказать: ветер мне ничем!».

⁴ «Ну... я не могу... в смысле, это не мне решать... я думаю, если он хочет... но, опять же, если ты считаешь... ».

fact a private of His Majesty's Army?»¹, «You what?» said Archie, flustered, for he was not one to have private conversations on army time. 'Nobody, **I mean**, nothing — **I mean**, well, what do you mean?»², «Archibald watched three sugar cubes dissolve in his teacup. Then, rather tentatively, he said, 'I've got my own theory, **you know**. Separate from the books, **I mean**»³. Лексико-синтаксические модификаторы, такие как «I presume», «I guess», «I suppose» содержат предикаты мнения и полагания, выражают предположение или неуверенность, а также служат важным средством снижения прямолинейности и категоричности высказывания. Лексические заполнители пауз «I mean», «you know», фонетические повторения «er...», «um», паузация «Well... I can't...», модальные глаголы, используемые в высказываниях со значением просьбы — разрешения «if you don't think/if he wants», пассивно-безличные конструкции «it's not for me to say...» являются синтаксическими, фонетическими и грамматическими сигналами его языковой и личностной неуверенности. Таким образом, через речь героя автор показывает его неопределённость и неуверенность, обуславливающие его отношение к окружающему миру.

Принадлежность к низшим социальным слоям, отсутствие высшего образования, которое Арчибальд Джонс не смог получить из-за бедности своей семьи, и тот факт, что его возраст приблизился к средней возрастной группе, также отражается в его речевой манере. Большую часть словаря героя составляют разговорные и просторечные фразы, предназначенные для общения на бытовом уровне. Следует отметить наличие грамматических ошибок в его речи. Показательны следующие фрагменты: «No such thing, mate. You're either right or you ain't. Take my word for it»⁴, «Dunno. He's on about tradition again»⁵, «Forty-seven and I'm going to have a little baby. That calls for a bit of a party, don't it?»⁶. Данные примеры иллюстрируют разговорную речь в условиях устного бытового общения. Речь необдуманна предвзвешенно, невербализованные грамматические и семантические компоненты восполняются наличием определенной ситуации, общей для всех участников разговора. Также отметим отсутствие стремления у говорящего выражать свои мысли более точно и полно. Сама сфера непосредственного речевого взаимодействия, в которое вовлечён герой, ограничивается бытовыми ситуациями, не требующими от него богатого словаря и выверенной грамматики.

Фонетическая система разговорной речи характеризуется тем же набором языковых единиц, что и литературный язык, однако многие слова имеют несколько проносительных вариантов вследствие редуции гласных, позиционного выпадения согласных, эллипса слогов. Это проявляется в следующих фрагментах: «Walking back, Archie said, 'Cor, they don't need many of **'em** to conquer and pillage,' in an attempt to make conversation»⁷, «If you really want to be of some help, love, you can start bringing in some of your clothes. God knows there's enough of **'em** to sink a bloody battleship»⁸. Эллиптированное произношение некоторых из них настолько типично для разговорной речи, что эти слова в редуцированной форме рассматриваются как разговорные лексические дублеты. К ним относятся, например, звуковые формы следующих слов и выражений: going to — «gonna», want to — «wanna», I don't know — «Dunno». На основе материала данного романа можно выделить несколько примеров: «Heads!' said Archie, seemingly without resentment. 'It stays. See? That wasn't too hard.' 'I don't **wanna** argue»⁹, «When they **gonna** get on wiv it, then? — Archie says»¹⁰.

Разговорная речь Арчибальда Джонса также характеризуется наличием стяженных форм и эллиптических синтаксических конструкций, в которых чаще всего опущено подлежащее. Это отражено в следующем примере: «Going to have a kid, ain't I? Blue eyes, would you credit it? I'm celebrating!»¹¹. Главная сфера употребления эллиптических конструкций — диалог, так как неофициальность общения позволяет опустить часть предложения, которая ясна из предыдущей реплики или незначительна, и сохранить только те части предложения, которые необходимы для понимания смысла.

Эти конструкции являются одной из основ живой разговорной речи, язык которой стремится к конкретизации и лаконичности. Применение стяженных форм также помогает придать языку краткость и живость. Однако такая стяженная форма как «ain't», которая используется в качестве универсальной отрицательной формы для любого вспомогательного глагола, является просторечным вариантом. Тем не менее в современном английском языке нередко то, что люди с одними собеседниками пользуются просторечием, а литературно — разговорным стилем — с другими. Таким образом, просторечные формы они употребляют, поскольку это характерно для их окружения. В другой обстановке они совершенно правильно пользуются формами «isn't»,

¹ «Почему — ведь ты не круглый идиот. Я полагаю, тебе известно, что на самом деле я рядовой армии Ее Величества?».

² «А? — вскинулся Арчи, ибо был не из тех, кто позволяет себе личные разговорчики на службе. Никто, то есть ничего... То есть, я хочу сказать, что ты этим хочешь сказать?».

³ «Арчибальд смотрел, как в чашке с чаем растворяются три кусочка сахара. Затем неуверенно произнес: У меня на этот счет своя теория. Не как в книжках, а другая!».

⁴ «Да ладно, приятель. Либо ты прав, либо нет. Поверь моему слову».

⁵ «Не знаю. Снова насчет традиции беспокоится».

⁶ «Мне сорок семь, и у меня будет маленький ребеночек. Это стоит отметить, разве нет?»

⁷ «На обратном пути Арчи, пытаясь завязать беседу, сказал: — Ха, да таких завоевывать и грабить — плевое дело».

⁸ «Если ты действительно хочешь помочь, дорогая, можешь пока переносить свою одежду. Боже мой, ее там столько, что можно потопить целый линкор».

⁹ «Решка! — сказал Арчи, явно не расстроившись. — Она остается. Видишь? Совсем несложно. Я не хочу спорить».

¹⁰ «Что-то они тянут, — говорит Арчи».

¹¹ «У меня будет ребенок! С голубыми глазами, представляешь? Я праздную!»

«aren't», «doesn't». Вполне вероятно, что употребление просторечной формы Арчибальдом Джонсом обусловлено специфичностью сферы применения и зависит от его круга общения. Также стоит отметить, что стилистически сниженная ругательная лексика используется только в ситуациях эмоционального напряжения. Это иллюстрируется следующими примерами: «Archie, screamed it with joy, because he had just remembered it. Ha! I have a coin, **you bastard**. Ha! So balls to you!»¹, «**Bloody hell**, Noel... it's just a sweet».²

В напряженных ситуациях, в которых изменяется привычное поведение Джонса, изменяется и его речь. Под воздействием сильного эмоционального стресса она становится более резкой, что отмечается появлением большого количества лексических интенсификаторов, использованием сленговых выражений и разговорной сниженной лексики. Это ярко выражено в данных фрагментах: «Thing is, you can get fourteen types of dal, but you can't get a **bloody cigar** in the Euston Road for love nor money»³, «I tell you, I'd **bloody love** one of those»⁴, «Well, **we can't bloody afford** it,» grumbled Archie, emerging from the eiderdown»⁵, «Blimey,» said Archie, wishing he knew what it all meant. 'Wotchyagunnadoo?»⁶, «**For fuckssake**, why did you do that?» said Archie furious, grabbing the gun off the Doctor, easily and forcefully»⁷, «Look, Sam... **you're making a fool of yourself**»⁸, «Have some of these, **for God's sake**,» said Archie, taking three from his lapel and throwing them at him»⁹, «**What on earth for?**» said Archie, astonished, leaning back in his chair»¹⁰, «**Don't talk nonsense**,» blustered Archie, in lieu of an answer»¹¹. Лексическая интенсификация свойственна любой сфере функционирования языка, поскольку интенсификаторы оценивают качество и содержательность коммуникации, выделяя пик высказывания и выражая эмоциональное состояние говорящего. Таким образом, Арчибальд Джонс зачастую

использует лексические интенсификаторы для того, чтобы придать своей речи выразительность и усилить эффект от сказанного. В свою очередь, употребление сниженной разговорной лексики представляет носителя языка как необразованного и некультурного человека, в чьем окружении приемлема грубая разговорная речь.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ разговорной речи Арчибальда Джонса позволяет увидеть его как типичную языковую личность, а именно необразованного представителя низшего социального класса. Можно сказать, что неотъемлемой частью литературного образа героя, формируемого автором, является речевая портретная характеристика. Умело используя фонетические, лексические и стилистические языковые средства, З. Смит дает отчетливую речевую характеристику Арчибальда Джонса. Через его речь она показывает уровень его образования, социального положения, указывает на гендерные особенности, а также рисует портрет человека определённого возраста, темперамента и психологического склада. Более того, анализируя речевое поведение данного персонажа, мы можем определить степень сформированности его языковой картины мира, судить об иерархии понятий и ценностей, а также о владении синонимическими возможностями языка. Читатель может представить образ героя, опираясь на его реплики, а не на описание. Стоит отметить, что в этом кроется особенность творчества и мастерство писательницы. З. Смит характеризует своего персонажа опосредованно, то есть она позволяет читателю как бы самому составить своё представление о герое на основе его речевого поведения. Подобный прием позволяет автору дополнить, «оттенить» на уровне геройного дискурса те характеристики, которые даются в авторском описании, и создать более колоритный, «объёмный» художественный образ.

Литература:

1. Словарь-справочник лингвистических терминов./Сост. и гл. ред. Розенталь Д. Э, Теленкова М.А. — М.:«Просвещение», 1985. — с. 364
2. Urban Dictionary [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/>, свободный. — Загл. с экрана.

¹ «Монетка! — вдруг вскрикнул Арчи, подскочив от радости. Ха! У меня есть монетка, гад! Накось выкуси!».

² «Черт побери, Ноэл... это всего лишь конфета».

³ «Штука в том, что на Юстон-роуд можно купить четырнадцать видов дала, но ни за какие деньги не найдешь ни одной сигары».

⁴ «Доложу тебе, мне чертовски такую хочется».

⁵ «А мы не можем тебя поддержать. У нас на это нет денег, — проворчал Арчи, накрывая голову одеялом».

⁶ «Вот те на, — протянул сбитый с толку Арчи. — И что вы с ним?»

⁷ «Мать твою, зачем ты это сделал? — в сердцах воскликнул Арчи и с легкостью выдернул автомат у противника».

⁸ «Послушай, Сэм... не корчи из себя дурака».

⁹ «Вот, пожалуйста. — Арчи снял с лацкана три медали и бросил их Самаду».

¹⁰ «Господи, но зачем? — Пораженный Арчи откинулся на спинку».

¹¹ «Хватит ерунду молоть, — гаркнул Арчи».

Концептуальная оценка А. К. Толстым истории развития России

Здвижкова Екатерина Александровна, преподаватель
Волгоградская консерватория (институт) имени П.А. Серебрякова

Неординарность А.К. Толстого как личности, неоднозначность его историко-философских и политических взглядов, глубину нравственных его исканий помогает понять анализ его произведений, открывая перед читателями внутренний мир писателя, сложный и многообразный. Передавать сущность, отбрасывая все случайное — в этом заключался художественный метод Толстого при изображении исторической эпохи. Писатель использует разные по жанру произведения (исторические баллады, роман «Князь Серебряный», драматическая трилогия), чтобы сделать это наиболее глубоко и всесторонне.

Ключевые слова: А. К. Толстой, трилогия, царь, Иван Грозный, духовность, народ, эпоха, нравственность, историко-философские мотивы, Киевская Русь, Древняя Русь.

Интерес к истории России — один из основных в жизни и творчестве А. К. Толстого. Можно предположить, что, помимо юношеских занятий в московском архиве, он в значительной мере подогревался близостью ко двору, где невозможно было жить, не лавируя, не лукавя (и Толстой это прекрасно знал, так как сам служил при дворе), и это было для него мучительно, потому что писатель «...чувствовал в себе лишь одну возможность действовать — идти прямо к цели» [3, с. 283]. Художественно исследовать тему «власть и личность» в близкое к нему время Алексей Константинович не мог — «ходить бывает склизко по камешкам иным...», итак, о том, что близко, мы лучше умолчим» [7, с. 150].

История предоставляла ему более широкие возможности. Углубляясь в своем творчестве — а это и исторические баллады, и поэмы, и роман «Князь Серебряный», и драматическая трилогия — вглубь веков, он пытался осознать и отобразить нравственное содержание, дух исследуемой эпохи, найти общие закономерности развития русской нации, исследовать причины обнищания русского духа в период Московского государства. Углубляясь в прошлое, он анализировал настоящее, отыскивая в нем последствия страшных изломов исторической судьбы России.

Историко-философские мотивы Толстого неординарны и интересны. «Свобода и законность, — писал он, — чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа; а оно зависит не от законодательных или административных мер, но от тех духовных стремлений, которые вне всяких материальных побуждений» [10, с. 385]. Ни в настоящем, ни в обозримом прошлом России Толстой не находит тех предпосылок в государственном устройстве, при которых свобода и законность могли бы считаться прочными. Его политический и духовный идеал — в далеком прошлом страны — во времена Киевской и Новгородской Руси. Всю свою жизнь — это видно и по его творчеству, и по его эпистолярному наследию — Алексей Константинович не уставал воспевать домонгольский период Руси, Новгородскую республику X–XII веков, когда существовало выборное вече и сменяемые по его желанию князья, когда, как он полагал «мы еще были честными» [8, с. 122].

Киевской Руси и Новгороду, с их широкими международными связями, свободными нравами и обычаями, отсутствием тирании и косности он противопоставлял Московское государство, которое было для него воплощением деспотизма, а он ненавидел деспотов до дрожи, и власти бюрократии, оскудения и падения политического влияния аристократии, которое болезненно ощущал и в современности. А самое главное, время Московского государства, и особенно период правления Иоанна Грозного, ассоциировалось у него с духовным обнищанием, нравственным упадком общества. Разумеется, Толстой, как тонкий пронизательный художник, остро ощущал этот духовный кризис прошлого и глубоко переживал его в современности.

Толстой утверждает, что «Мы и немцы первые отделились от древнего арийского ствола, и нет сомнения, что интересы и мифология у нас были общие» [5, с. 40] и подтверждает свою точку зрения множеством совпадений имен славянской и европейской мифологии. Так Sorphibok — саксонский бог, упоминаемый в «Айвенго» Вальтера Скотта, вызывает в его памяти ассоциации с древнеславянским Чернобогом. Толстой абсолютно уверен, что славянство — «элемент чисто западный, а не восточный, не азиатский» [11, с. 58]. Эта привязанность писателя к периоду, когда прочны были связи между Русью и европейскими государствами, рождали в его воображении романтические баллады: «Песня о Гаральде и Ярославне», «Боривой», «Роман Галицкий», «Канут».

Романтическая природа Толстого жаждала такой идеализации домонгольского периода Руси. Его преклонение перед Древней Русью можно объяснить тем, что начала нравственности были привнесены на Русь при ее крещении и, следовательно, они должны были свободнее развиваться и проявляться именно в X–XII веках, нежели в Московском — нелюбимом писателем — периоде, когда нравственные ценности были искажены в результате пережитого татаро-монгольского ига. А окончательно они исказились в период правления Иоанна Грозного, который характеризуется полным духовно-нравственным упадком русского народа. И в прозе, и в драме, и в поэзии его интересовала проблема нравственного оскудения характера русского человека под влиянием беспредельной, жестокой и безумной деспотической власти.

Он не без основания считал, что внешнее величие Московского государства было куплено ценой внутреннего унижения народа, и поэтому ненавидел Иоанна, его личность и политика были глубоко отвратительны поэту-гуманисту. Толстой не уставал в своих произведениях обличать тиранию и время правления Иоанна Грозного, находя в них истоки современных ему изъянов в русском обществе и в душе, менталитете русского человека. Но, изучая историю России и эпоху Древней Руси, Алексей Константинович не мог не поразиться и не порадоваться тому, что тирании противостояли личности, которые сохранили в душе предания прежних времен и блюли «религию честного слова» [14, с. 42] в отличие от большинства людей (особенно царедворцев) XVI века, аристократов, у которых были весьма извращенные представления о чести и совести, которые быстро научились лицемерить, унижаться, выслуживаться перед деспотом — царем. Но все же святость слова у отдельных личностей сохранилась и в XVI веке, а значит, есть надежда на выздоровление общества:

Неволя заставит пройти через грязь,

Купаться в ней — свиньи лишь могут.

(«Змей Тугарин»)

Через отрицание татаро-монгольского периода Руси и искоренение недостатков правления царей, Толстой создает свой нравственный идеал «Славянское племя, — писал он, — принадлежит к семье индоевропейской. Татарщина у нас есть элемент наносной, случайный, привившийся к нам насильственно. Нечего им гордиться и им щеголять! И нечего становиться спиной к Европе, как предлагают некоторые «псевдоруссы», Европа, Запад, в терминологии Толстого, — символы просвещенности, цивилизации, порядка, в противовес Востоку — символу насилия, разрушительности, стихийности. [10, с. 385]. Гуманизм — считал он — порождение западной цивилизации. Мыслить по-европейски, по Толстому, означало мыслить гуманно и справедливо, а не придерживаться того мнения, которое господствует в Европе в данный момент. Любимым словом графа было слово *честь*. [12, с. 122].

Итак, по твердому убеждению Толстого, до нашествия татар было золотое время, когда понятия свободы и законности естественно существовали в сознании русского народа и его справедливых и гуманных правителей (Владимира Красного Солнышка и других). Татарское иго нарушило прежний уклад, ведь во время порабощения трудно было сохранить жизнь и честь. Эпоха Ивана IV во много раз усилила пагубное действие татаро-монгольского нашествия, окончательно унизив, духовно опустошив и развратив русский народ: «Ни в боярах, ни в народе не было чувства законности», с горечью замечает Толстой [13, с. 216].

Конечно, представления писателя далеко не во всем соответствовали реальным историческим фактам. Киевская Русь и Новгород, так же как и Московское государство, были для него, скорее, некими поэтическими символами, нежели конкретными историческими явлениями. Обращения Толстого к истории в подавляющем большинстве вызваны желанием найти в прошлом под-

тверждение и обоснование своим идейным и духовным устремлениям. Этим и объясняется неоднократное возвращение поэта, с одной стороны, к концу XVI — началу XVII века, а с другой — к Киевской Руси и Новгороду.

Говоря о философских взглядах Толстого, можно отметить, что Киевская Русь, пожалуй, далеко не была идеальным царством добра и справедливости, а татаро-монгольский период был не такой уж бессмысленной напастью, какой он представлялся писателю. Коренной порок древнего строя был виднее, на наш взгляд, автору «Слова о полку Игореве», нежели Толстому. Отсутствие крепкой единой власти, прочной организации государства делало Киевскую Русь совершенно незащитной перед окружающими врагами, поэтому, возможно, нашествие татар в какой-то степени помогло русским осознать необходимость объединения. Но нельзя утверждать, что писатель не понимал этого. В знаменитой балладе «Чужое горе» вместе с горем царя и «татарским горем» упоминается также и «Ярослава горе», то есть горе политической розни и многоначалия, не оно ли сокрушило Киевскую Русь?

«Как организм высшего порядка не может, подобно какой-нибудь губке или какому-нибудь моллюску, оставаться без твердой и определенной формы, так великая историческая нация не может обойтись без крепкого объединенного государственного строя» [4, с. 125]. Делом Московского периода было создание этого строя, историческая необходимость которого, была видна и до нашествия татар. А нашествие — лишь окончательное обличение несостоятельности киевских порядков, но не причина создания централизованного государства во главе с Москвой. Ведь Киевская Русь стала приходить в упадок, и северное единодержавие стало складываться (в Суздальской области) — независимо от татарского нашествия, а гораздо раньше его. Но, в то же время, понимание Московского периода как необходимого исторического явления еще не дает нам права идеализировать этот период, а ведь именно против его идеализации и увековечивания его духа выступает Толстой. Его осуждение Московского государства получает силу высшей правды, так как были у Киевской Руси преимущества, хотя и оставались они только в зародыше. Как истинный художник и поэт-патриот, Толстой был вправе избрать не историческую, а пророческую точку зрения. Он не заострял внимание на материальных условиях и необходимости прошедшего, а мерил его сверху — нравственными потребностями настоящего и упованиями будущего.

Эпоха Ивана Грозного занимает в творчестве Толстого особое место. На эту тему опирается почти все творчество писателя, связанное с историей Руси. Она является главенствующей в раскрытии историко-философских мотивов Алексея Константиновича. Не случайно писатель рассматривал данную эпоху в разных по жанру произведениях: и в лирике, и в романе «Князь Серебряный», и в драматической трилогии. Эти жанры помогли писателю исследовать страшное время с различных сторон: в романе предметом рассмотрения стала эпоха XVI века, жизнь русского общества в это время;

в драматической трилогии Толстой ярко обрисовывает характеры исторических лиц (Ивана Грозного, Бориса Годунова и других); а баллады явились попыткой поэтического осмысления некоторых моментов правления грозного царя.

В своих произведениях, посвященных времени царствования Ивана IV, Толстой ставит проблему происхождения тирании, ее политических и нравственных последствий. Он живо ощущает гнетущую атмосферу всеобщей подавленности, неуверенности и безгласия перед тиранией, царившую в эпоху Грозного. Он провозглашает несовместимость человеческого достоинства с деспотизмом.

А. К. Толстой писал о себе и об истории, пытаясь осознать собственное «я» в исторической жизни развивающегося общества. К сожалению, лишь немногие читатели смогли разглядеть в раскритикованном романе «Князь Серебряный» «нравственный подвиг», а драматическая трилогия «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис» лишь спустя тридцать лет после написания нашла широкое признание у публики.

Неординарность А. К. Толстого как личности, неоднозначность его историко-философских и политических взглядов, глубину нравственных его исканий помогает понять анализ его произведений, открывая перед читателями внутренний мир писателя, сложный и многообразный. Передавать сущность, отбрасывая все случайное — в этом заключался художественный метод Толстого при изображении исторической эпохи. Писатель использует разные по жанру произведения (исто-

рические баллады, роман «Князь Серебряный», драматическая трилогия), чтобы сделать это наиболее глубоко и всесторонне.

Исторические баллады явились интересной и неожиданной попыткой поэтического осмысления некоторых моментов правления грозного царя. Исторические баллады писателя — принципиально новый жанр в русской литературе XIX века. В историческом романе «Князь Серебряный» предметом рассмотрения автора стала эпоха XVI века, жизнь русского общества в это время. Этот роман стал шагом вперед по сравнению с произведениями Загоскина и Лажечникова, с которыми неоднократно сравнивали Толстого критики, так как содержал в себе яркие характеристики исторических лиц, а также отличался глубиной идеи и поставленных проблем. В драматической трилогии Толстой ярко обрисовывает характеры исторических лиц, исследуя проблемы: власть и общество, личность и общество, роль личности в истории, а также отвечает на вопрос: могут ли преступные средства быть оправданы высокой целью. Драматическая трилогия стала важной вехой на пути развития русской исторической драматургии. Различные жанры литературы (исторические баллады, исторический роман и драматическая трилогия) помогли Толстому глубоко и всесторонне рассмотреть историческую эпоху древней Руси. Толстой своим духовным опытом, воплотившимся в его литературном наследии, дарит богатый материал для осмысления исторического прошлого и будущего России. Лишь осмыслив трагические ошибки прошлого, можно искоренить их и избежать в будущем.

Литература:

1. Айхенвальд, Ю. И. Силуэты русских писателей. — М.: Худ. лит, 1993.
2. Дмитриенко, С. В. Творчество А. К. Толстого. — М.: АСТ, Олимп, 1999.
3. Жуков, Д. А. А. К. Толстой. — М.: Мол. гвардия. 1982, с. 283.
4. Жуков, Д. А. А. К. Толстой. — М.: Мол. гвардия. 1982, с. 125.
5. Колосова, Н. П. «Я встретил Вас...». — М.: Моск. Рабочий, 1983, с. 40.
6. Муравьев, В. А. О романе «Князь Серебряный». — М.: Худ. лит., 1987.
7. Толстой, А. К. Собр. Соч. в 10-ти томах. — М.: Худ. лит. 1961. — т. 2, с. 150.
8. Толстой, А. К. Собр. Соч. в 4-ти томах. — М.: Худ. лит. 1963. — т. 2, с. 122.
9. Толстой, А. К. Собр. Соч. в 4-ти томах. — М.: Худ. лит. 1963. — т. 4, с. 250.
10. Толстой, А. К. Собр. Соч. в 4-ти томах. — М.: Худ. лит. 1963. — т. 4, с. 385.
11. Толстой, А. К. «Колокольчики мои...» — М.: Мол. гвардия. 1978. с. 58.
12. Толстой, А. К. О литературе и искусстве. — М.: Правда. 1986. с. 122.
13. Толстой, А. К. О литературе и искусстве. — М.: Правда. 1986. с. 216.
14. Троицкий, В. Ю. Толстой А. К. Духовные начала творчества и художественный мир писателя. — М.: Худ. лит. 1988, с. 42
15. Щупов, А. О. Граф Алексей Константинович Толстой. — М.: Флора, 1999.
16. Ямпольский, И. Г. Драматическая трилогия А. К. Толстого. — Л.: Сов. писатель, 1939.

Поэтика эпиграфа в романе С. П. Бородина «Последняя Бухара»

Каминская Елена Михайловна, кандидат филологических наук, докторант
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

В данной статье нами представлен один из фрагментов исследования поэтики С. П. Бородина. В качестве материала был выбран роман в новеллах «Последняя Бухара», созданный в 30-е годы XX века. Предметом исследования является эпиграф к роману, представляющий собой строки из «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина. Цель исследования — выявление специфики наследования С. П. Бородиным пушкинской традиции, анализ повествовательной структуры романа с учетом ряда теоретических категорий: диалогичность, полифонизм, ансамблевость, орнаментализм, многоплановая семантика, игровой эффект, остранение, монтажность, мозаичность. Сделаем также одно теоретическое замечание, которое в контексте данного исследования может трактоваться и как гипотеза. Рассматриваемый нами паратекст есть эмерджентное свойство повествовательной структуры, способствующее формированию метауровня. Отметим в частности, что Ж. Женетт относит эпиграф к «метакоммуникативным сигналам». [7, с. 29]

Обратимся ко второй главе романа в новеллах «Последняя Бухара», которая начинается в буквальном смысле с птичьего гомона. Птицы возвещают приход весны: «Сладчайшие из песен Хафиза пищутся на бумажках; треугольничком зашивают их в шёлк и подвешивают к соловьиным клеткам: пусть в эти дни ранней весны сладость страстных слов перейдёт с бумажек в соловьиное горло». [1, с. 24] В пении птицы — слово и мысль человеческая: «Птицы раскачивают клетки, набухая песней. Весна». [1, с. 24] Начало второй главы — подлинный гимн любви и весне, а значит и образу, символически соединяющему в себе эти черты — образу Афродиты. Она незримо присутствует в каждой частичке мира, который окружает героя. Она растекается незримым шёлком восточных мелодий-ароматов, насыщая цветом и звуком, даже самые обыденные вещи. Герой идёт, ощущая незримое присутствие Афродиты: «... Распрямляются ветки, набухая соком... И в медном тазу, в прохладной воде, редиска продаётся рядом с жёлтыми розами...». [1, с. 24] Всё в преддверии весны и любви: «...с потемневшими глазами жмут друг другу руки влюблённые и смотрят на горы: туда бы!». [1, с. 24] Афродита, «обладала космическими функциями мощной, пронизывающей весь мир любви», часто в окружении цветов или других природных образов, не случайно и название «священносадовая». Фраза «смотрят на горы» также наводит на мысль об Афродите, которая «прославлялась как дарующая земное изобилие, вершинная («богиня гор»»). [2, с. 74] Путь героя лежит мимо перепелов и куропадок. Птичьи бои в караван-сараях, «похотливый рокот» перепелов в чайханах: кажется, что весь город гудит и приветствует любовь, молодость, силу и красоту. Победитель боя «оборачивается в сторону гор... и смотрит задумчивыми глазами: туда бы...». [1, с. 25] Но цель героя далеко за пределами этого буйства. Шум

спадает, только «маленькие птички нежно свистят за дувалами». [1, с. 25] Цель героя — Чупан-Атинские высоты. Шум города и людская суета оставляют его. Он — один на один с природой и Афродитой. Здесь ещё одна ипостась мифологического образа: «Я иду высоко по ключим и рыжим холмам... Вдалеке, как пена, с холмов медленно-медленно стекают овечьи стада. А глубоко внизу, в долине, по бледно-голубым камням кипит зелёная струя Заравшана...». [1, с. 25] По одной из более ранних версий Афродита была рождена из морской пены, «отсюда так называемая народная этимология её имени «пенорождённая» (от греческого «aphros», «пена») и одного из её прозвищ — Анадиомена — «появившаяся на поверхности моря». [2, с. 74] Восхождение на гору заканчивается встречей с любовью, облечённой в вечность.

На пути героя — «истрескавшийся от древности одинокий мазар». Вместе с данным образом в структуру входит и легенда о святом пастухе-мечтателе. Единственное, что умел этот человек, от которого не осталось даже имени, — «размышлять о детях и о родителях, о жёнах и о любви». [1, с. 25] В память о мыслителе «искусный мастер поставил над могилой мазар, покрытый лазурным фаянсовым верхом». [1, с. 25] Примечательно, что лазурит — «камень тёмно-синего цвета, символ божественных небесных сил», в Древней Греции был эмблемой любви и атрибутом богини Афродиты. [4, с. 186] Этот факт имеет значение, так как данный женский образ вписан в структуру повествования романа в новеллах в виде «мифологической мозаики»: рассеянный по главам, данный образ требует «внимательного вычитывания» (во второй главе одним из проводников для данного образа является пушкинский код). Лазурит связан также и с одним из видов искусства — живописью, так как его использовали для изготовления природной синей краски — ультрамарина. Сам мазар — прибежище вечности, его купол-небо по-отечески даёт надежду и прибежище всем странствующим философам, несущим в мир слово-мечту, любовь и надежду. Посредством этого образа раскрывается в полной мере и смысл эпиграфа к роману — «Сии могильные столбы/Венчаны мраморной чалмою. Пушкин». [1, с. 11] Продолжив пушкинские строки, мы видим сходство с мыслями и чувствами бородинского героя: «Сии надгробные столбы,/Венчанны мраморной чалмою,/Казалось мне завет судьбы/Гласили внятною молвою...». [3, с. 157]

С. П. Бородин, цитируя пушкинские строки, заменил лексему «надгробные» на «могильные». Одно из объяснений такой замены, во-первых, приведение двух текстов, поэмы и романа, к созвучию: «могильные» — «мазар». Для подтверждения данного тезиса обратимся к звуковому орнаменту одного из сегментов текста, знаменующего встречу героя с могилой пастуха-мечтателя. Выделим слова-сигналы: «мазар» — «мечтатель» —

«род» — «размышлять» — «ремесло» — «имя» — «старость» — «мертвец» — «мастер» — «могила» — «мазар»: 1. «мазар» — «На вершине высот стоит истрескавшийся от древности одинокий мазар святого пастуха»; 2. «мечтатель» — «На том месте когда-то, очень давно, пас мечтатель овечьи стада»; 3. «род» — «Был он родом из дальних стран, покинул он отчий кров...»; 4. «размышлять» — «...ибо лишь в одиночестве можно размышлять о детях и о родителях, о жёнах и о любви»; 5. «ремесло», «имя» — «Он не знал никакого ремесла, как здесь не знали его имени»; 6. «старость» — «И когда прошла его старость, стада остановились на этих холмах»; 7. «мертвец» — «Овцы стояли вокруг, не смея приблизиться, и кричали истошно и дико над мертвецом»; 8. «мастер», «могила», «мазар» — «С тех пор называются эти высоты именем святого пастуха, а искусный мастер поставил над могилой мазар, покрытый лазурным фаянсовым верхом». [1, с. 25–26] Согласуется с общим семантически полем и эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану» из Саади: «Многие, так же как и я, /посещали сей фонтан; но/иных уже нет, другие/странствуют далече». [3, с. 143] Мелодичную, «меланхолическую» вязь восточного эпиграфа сам Пушкин считал «лучше всей поэмы». [3, с. 504]

Во-вторых, исходя из мысли о том, что в данном сегменте романа речь идёт кроме всего прочего о встрече героя с Афродитой, то естественно, что символическим выражением женского образа является чаша, т.е. перевёрнутый купол, а чаша, в свою очередь, это указание на образ фонтана. В заключительной части легенды появляется фраза — «покрытый лазурным фаянсовым верхом». Внезапно появляющаяся «ф» — первое связующее звено с лексемой «фонтан». А «лазурный верх» — символ неба, может быть истолкован и как «лазурный низ», т.е. символ воды — ключевой символ и лейтмотив романа в новеллах. Образ фонтана связан с образом всеобъемлющей любви, а, следовательно, и с Афродитой. Подтверждение этому находим у продолжателей пушкинской традиции в изображении фонтана. Например, у А.А. Фета в стихотворении «Фонтан» есть такие строки: «...Я, и кровь, и мысль, и тело...». [6, с. 63] Рассматривая данное произведение в контексте древнего мифа — эти строки могут быть истолкованы как прямое указание на образ Афродиты, родившейся из пены, в которую попала кровь, оскотлённого Кроносом Урана. В тютчевском варианте, фонтан — «смертной мысли водомёт» (у Фета — «Мысль несётся, сердце бьётся...»). [5, с. 78] Он рвётся в небо, но «длань незримо-роковая» ниспровергает его на землю. В тютчевском стихотворении фонтан уподобляется лучу, который соединяет небо и землю: «Лучом поднявшись к небу, он/Коснулся высоты заветной — /И снова пылью огнецветной/Ниспасть на землю осуждён...». [5, с. 78] Финал тютчевского стихотворения: «Твой луч упорный преломляя,/Сверкает в брызгах с высоты». У Фета: «В водоём мой луч прольётся/И заря потушит ночь». [6, с. 63] В столь небольших по объёму стихотворениях, тем не менее, кипят поистине пушкинские страсти. Здесь всё: и страстное всепоглощающее чувство

любви, и незримо-неумолимый рок, смиряющий плоть, и полёт мысли, и желание воспарить к небесам, а с ним и неумолимое падение. В фетовской и тютчевской интерпретации образа заложена пушкинская идея фонтана, как сохраняющего и преумножающего память. Фонтан в данной интерпретации и синоним слова «сокровенный», т.е. бережно сохраняемый и известный только немногим, потаённый. Неоднократно в пушкинской поэме звучат слова об уединённости, как правило, по отношению к образу Марии. Но подлинный смысл «сокровенного» — в соединении небесного и земного, в одном всеобъемлющем Женском Лике. Два лика фонтана — Мария и Зарема. Они подобны сердцу и душе, в них соединяется в одно целое ветхозаветное и новозаветное начало, природное и духовное, религиозное и мифологическое. Связь между именами — это и особый звуковой орнамент: Зарема — Мария. Первый и последний слоги имён словно цепляются друг за друга, тем самым, осуществляя неразрывную связь. Общая сердцевина имён — сочетание «ар». Нельзя не обратить внимание и на то, что в имя Зарема и в судьбу данной героини вписано слово «гарем» (первоначальный вариант названия поэмы). В имени Мария оно словно преодолевается. Героиня романа «Последняя Бухара» — Азиза — соединяет в себе черты Марии и Заремы. Восточная девушка в пуховом платке на фоне снежной бесконечности — такова героиня С.П. Бородина.

Фонтан как сосуд соотносим с женским началом. Бьющая и низвергающаяся в него струя (луч) — начало мужское. Вместе — это символ абсолютной гармонии. Гармония и в том, что в лексему мужского рода — фонтан — облечена мысль о Женском начале мира. Впоследствии такое слияние женского и мужского начала (например, у Фета мотив слияния женского и мужского начала: «Ночь и я, мы оба дышим» [6, с. 63] открывающий повествование) проявится в романе С.П. Бородина в образе Гермафродита.

Посредством замены лексики «надгробные» на «могильные» также осуществляется связь с образом фонтана-чаши. Дословный смысл лексики «надгробные» — «над гробами», т.е. памятники или другие сооружения непосредственно над захоронением. В самой лексеме заключено указание на движение вверх («над»). Надгробие устремлено вверх, таким образом, восстанавливается связь между миром живых и миром мёртвых, осуществляется процесс сохранения памяти. Само выражение у Пушкина подразумевает абстракцию, так как не имеет прямого отношения к могилам Марии и Заремы. В строгом соответствии с доминантным образом фонтана, одна вознеслась к небесам («И в небеса, на лоно мира...»), другая низвергнута в пучину вод («В пучину вод опущена»). Имеющие совершенно конкретные имена, героини, тем не менее, остаются «безымянными» (неузнанными) и даже сам автор в финале произведения не различает бесплотных духов: «И по дворцу летучей тенью/Мелькала дева предомной!./Чью тень, о други, видел я?..» [3, с. 157] Одна из функций женского образа в поэме, синтезирующего черты двух героинь — Марии и Заремы — это вдохно-

вание. Речь идёт о музе поэта, вдохновляющей и дарующей новые впечатления и видения. Магистральная линия в поэтике романа С.П. Бородина — наличие разветвлённой системы нарраторов и многоаспектность образа главной героини (Азизы) представляют собой в первую очередь продолжение пушкинской традиции, воплощённой в «Бахчисарайском фонтане». Бородинская героиня — это также синтез нескольких ликов-ипостасей, в том числе и выполнение функции музы по отношению к герою.

В лексеме «могильные», напротив, подразумевается значение «принадлежащие могилам» (столбы), «непосредственно к ним относящиеся». Идея сохранения памяти и здесь остаётся, но движение устремлено вниз. Такая расстановка смыслов может быть объяснена художественными установками каждого автора и местом данных образов в повествовательной системе произведений. У А.С. Пушкина «надгробные столбы» появляются в финале поэмы в момент, когда он подводит итог увиденному, услышанному, выстраданному. У С.П. Бородин — это первые главы романа в новеллах и встреча с мазаром, возведённым над могилой философа лишь на-

чало повествования о фонтане-чаше. С.П. Бородин продолжает пушкинскую идею сохранения памяти о «безымянных» героинях. Его герой не имеет имени, но если героини в облике духов остаются неразличимы (синтезируют черты многих) у А.С. Пушкина, то у С.П. Бородин легенда о мазаре превосхищает встречу со странствующим философом Машед-Али, воспевающим любовь. Соединение начала и конца, так называемый феномен «текста-наоборот» — характерная черта поэтики романа в новеллах «Последняя Бухара».

Приметы поэтического мира пушкинской поэмы рождаются в повествовательной структуре романа в новеллах С.П. Бородин, создавая благоприятные условия для интерпретации и разгерметизации текста романа и позволяющие вынести ряд суждений об особенностях поэтики С.П. Бородин. Возвращаясь к предложенному нами теоретическому гипотетическому положению (основанному на нарративных концепциях — Ж. Женетта, В. Шмида и др.), отметим, что эпиграф из пушкинского произведения — один из возможных путей к моделированию структуры метатекста и описанию близкой к ней структуры мифологического дискурса.

Литература:

1. Бородин, С.П. Египтянин. Романы. Повести. Новеллы. Очерки. — Т.: Изд-во художественной литературы имени Гафура Гуляма, 1969.
2. Мифологический словарь/Под ред. Мелетинского Е.М. — М.: Сов. энциклопедия, 1991.
3. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. Поэмы. Сказки. — М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1960.
4. Тресиддер, Д. Словарь символов. — М.: Фаир-пресс, 1999.
5. Тютчев, Ф.И. Лирика. Том 1. — М.: Наука, 1966.
6. Фет, А.А. Стихотворения. Поэмы. Переводы. — М.: Правда, 1985.
7. Шмид, В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Функционирование сложноподчиненных предложений в деловом тексте

Ергазина Алия Абдирамановна, кандидат педагогических наук, доцент;
Исмурзина Камшат Болатовна, магистрант
Актюбинский университет имени С. Баишева (Казахстан)

Актуальность данного исследования определяется нарастающей необходимостью развития навыков составления деловой документации в стремительно развивающемся мире делового общения. Это связано с возросшей ролью делового общения и потребностью быстро и корректно составлять убедительный текст делового письма. Деловая корреспонденция становится важным звеном в деловых отношениях, способствуя установлению контакта, подведению участников коммуникации к официально фиксированным деловым отношениям (подписание контракта, соглашения и др.). Изучение коммуникативно-прагматических установок текста типа «деловое письмо» и синтаксических признаков их выражения является актуальной задачей лингвистического исследования в разработке проблем делового текста. Основное внимание в работе уделяется сложноподчиненному предложению, так как его функции и структурно-семантические характеристики в деловом письме изучены недостаточно.

Как справедливо отмечает М. Пфютце, «диалектическое взаимодействие языковых структур с известной информацией и структур с новой информацией должно осуществляться таким образом, чтобы достичь определенного коммуникативного эффекта, направленного на получателя сообщения» [1, с. 219]. В связи с тем, что основной целью делового коммерческого письма является достижение договоренности между участниками коммуникации, чрезвычайно важным является изучение языковых средств, при помощи которых реализуются основные коммуникативно-прагматические функции предложений — функция сообщения и функция воздействия. Изучение предложения коммуникативно-функциональной ориентированности должно выявить закономерности соотношения между коммуникативно-функциональным типом предложения и задачей общения, а также прагматически релевантные структурные и семантические особенности предложений [2, с. 269].

Деловое письмо представляет собой письменную разновидность языка. Оно характеризуется определенной структурой при оформлении, определенной композиционной последовательностью изложения мыслей, нали-

чием определенной лексики и синтаксическим построением предложений.

Основной целью делового письма является достижение договоренности с адресатом, информирование о чем-либо и воздействие на его сознание и поведение. Другими словами, деловое письмо — это такая организация текста, характеризуется функциональной направленностью, т.е. ориентацией на выполнение какой-то заранее намеченной цели сообщения.

Этот вид общения считается одним из наиболее сложных и в то же время является единственным способом материального (фиксированного в бумажном виде, в «твердой» копии) представления процесса передачи информации при ведении переговоров, результатов работы и т.п. Такие письма имеют статус документа и обладают определенной юридической силой при наличии подписи и печати. Поэтому такая корреспонденция, как правило, регистрируется и хранится в определенных архивах, файлах. Статус делового письма не допускает ошибок в его оформлении и содержании.

Известный специалист в области деловой корреспонденции П.В. Веселов, автор нескольких пособий по составлению деловых писем на русском языке, выделяет 3 принципа культуры официально-деловой переписки:

1) лаконизм; 2) достаточность информационного сообщения, отвечающая целям письма и характеру отношений; 3) ясность и недвусмысленность языка общения. Функциональность делового письма подтверждается теми фактами, что для писем характерна повторяемость одних и тех же соединительных оборотов и обстоятельственных слов, объясняющих причинно-следственные отношения [3, с. 4].

Конечно, грамотное составление текста делового письма требует практики, большого объема знаний и умений по выбору тех или иных языковых средств с целью достижения коммуникативной установки письма.

Для нашего исследования деловое письмо представляет собой особый тип текста, в котором синтаксическая структура и прагматическая направленность выдвигаются на первый план. Исследование синтаксической структуры письма предполагает анализ структурно-се-

мантической и прагматической сторон сложноподчиненного предложения.

Так, например, исследование синтаксических особенностей официального письма находит свое отражение в работе П. В. Веселова. Он обнаруживает тенденцию возрастания информационной роли порядка слов к концу предложения (особенно в русской письменной речи), отмечает «логизированный» строй предложения, а использование сложноподчиненных предложений в деловых письмах, главным образом, необходимо для выражения причинно-следственных связей [4, с. 42–54].

Способность многоступенчатых предложений с последовательной субординацией вмещать разностороннюю информацию в текстах официально-делового стиля английского языка отмечает А. С. Трофимова [5, с. 269–270]. Кроме этого, сложноподчиненные предложения и инфинитивные предложения могут придавать документам объективный и предписывающий характер изложения, что и было обнаружено при исследовании дипломатических документов [6].

Доминирование простых предложений в деловой письменной речи отмечает М. В. Колтунова, т. к. «они передают информацию, по объему равную информации, передаваемой с композицией сложного предложения. Это достигается за счет большей степени длины и семантической емкости предложения» [7, с. 85]. В то же время сложное предложение передает сложность мысли, отражая сложные отношения тех или иных социально-правовых ситуаций. Поэтому существует еще понятие синтаксической емкости, которая также называется «информативным потенциалом» [8, с. 40].

Возможно, данные утверждения о доминировании простых предложений в деловой письменной речи справедливы для определенных русскоязычных текстов, т. е. для какого-либо одного или нескольких типов текстов.

Противоположное мнение можно найти в других работах по деловому письму (помимо упомянутых выше). Использование большого количества сложных предложений связывают со стремлением логично выстроить мысль или факты, т. к. «простое предложение не может отразить иерархическую последовательность взаимосвязанных фактов, подлежащих официально-деловой интерпретации» [9, с. 92]. Это же утверждение справедливо для жанра постановлений, причем не только в английском, но в русском и казахском языках: «Именно сложноподчиненные предложения отражают характерную для управленческой ситуации последовательность иерархически связанных фактов». Понятие «емкости» предложения уже относится к сложному предложению: «Длина и сложность предложения зачастую увеличивается за счет употребления в одном предложении нескольких разнородных членов. Такая тенденция делает предложение весьма емким по содержанию и компактным по форме» [10, с. 79]. Отмечается также частое использование причастных и деепричастных оборотов, оборотов с употреблением отглагольных имен, создающих периодичность синтаксического построения.

Проблема сложноподчиненного предложения является одной из проблем когнитивного синтаксиса,

так как они дают возможность адресанту реализовать функцию сообщения или воздействия на адресата. В деловых письмах сложноподчиненные предложения, как правило, используются для выражения причинно-следственных связей.

П. В. Веселов отмечает, как трудно представить деловую письменную речь без сложноподчиненных предложений: «Совмещая просьбу и причины, побудившие обратиться с просьбой, отказ и его убедительную аргументацию в рамках единой конструкции, сложные предложения придают большую убедительность просьбе и смягчают впечатление отказа, позволяют подчеркнуть важные смысловые оттенки, привести аргументы, дать подробное обоснование основных положений и т. д.» [4, с. 54]. Однако сложноподчиненные предложения могут использоваться не только при выражении причины и следствия, но и для уточнения, определения того или иного признака, внесения дополнительной информации и т. д.

В рамках функционально-деятельностного подхода сложноподчиненное предложение может определяться как коммуникативная единица, называемая два (и больше) положения вещей и состоящая из линейно связанных коммуникативно несамостоятельных предложений неодинакового синтаксического ранга. Коммуникативная значимость сложноподчиненного предложения кроется в самой его структуре, через которую автор получает возможность объединить в одном высказывании пропозициональные содержания, нередко логически разнородные, которые могли бы лечь в основу нескольких отдельных предложений-высказываний.

В письменной речи адресат распознает намерения автора, прилагая некоторые усилия и привлекая накопленный опыт анализа разных типов текста. Определенную помощь в этом могут оказать такие синтаксические средства как инфинитивные фразы; причастные, герундиальные зависимые и независимые фразы; инверсии, эмфатическое выделение.

Роль сложноподчиненного предложения определяется с точки зрения эмфатического выделения мысли, что придает гибкость языковой организации сообщения. Другими словами, главная мысль может подчеркиваться путем выражения её в главном предложении, а сопутствующая, соответственно, в придаточном предложении. Хотя, нужно сделать оговорку о том, что есть такие конструкции, в которых основная мысль выражается в придаточном предложении. Все зависит от того, какая синтаксическая конструкция используется автором. Приведем пример:

We can also show you our collection of before-and-after snapshots to give you a graphic idea of the nature and extent of the improvements *we have made thus far* [11, p. 112].

(Мы также можем показать вам нашу коллекцию снимков «до» и «после», чтобы у вас было представление о характере и объеме усовершенствований, которые мы сделали до этого времени).

Таким образом, использование сложноподчиненного предложения в языке делового письма определяется та-

кими требованиями, как логичность, компактность, со- держательность и объективность. Сложноподчиненные предложения являются наиболее весомой частью текста делового письма, которая в той или иной степени опре-

деляет структуру делового текста, поэтому исследование функциональных особенностей сложноподчиненных предложений в деловом тексте представляется своевременным и актуальным.

Литература:

1. Пфютце, М. Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста — М., 1978. — Вып. VIII. — с. 218–242.
2. Иванова, И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика английского языка. — М.: Высш. школа, 1981. — 285 с.
3. Веселов, П. В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 1993. — 74 с.
4. Веселов, П. В. Современное деловое письмо в промышленности. — 3-е изд. — М., 1990. — 160 с.
5. Трофимова, А. С. Некоторые особенности элементарных и цельных предложений текстов официально-делового стиля на английском языке // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте: Межвуз. сб. науч. тр./Перм. Ун-т. — Пермь, 1994. — 295 с.
6. 6. Карибаев А. А. Лингвостилистические особенности текстов дипломатических документов (на материале англоязычной дипломатической корреспонденции): дис.... канд. филол. наук: 10.02.22. — Алматы, 2004. — 154 с.
7. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. — М.: Экономическая литература, 2002. — 288 с.
8. Салье, Т. Е. Роль инфинитива и инфинитивных конструкций в создании функциональной перспективы предложения в современном английском языке: дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. — Л., 1983. — 205 с.
9. Федюрко, С. Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля: дис.... канд. филол. наук: 10.02.01. — Воронеж: ЕГУ, 2002. — 140 с.
10. Ережепова, С. К. Официально-деловой стиль в русском и казахском языках: прагмалингвистический аспект (жанр постановлений): дис.... канд. филол. наук: 10.02.20. — Алматы, 2002. — 166 с.
11. Cross, W. Action Letters for Small Business Owners. — New York, 1991. — 191 p.

Концепт «цвет» в языковой картине мира

Капнина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент;
Коротяева Ирина Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент
Донбасский государственный педагогический университет (г. Славянск, Украина)

В статье дана разносторонняя характеристика понятиям «концепт» и «языковая картина мира»; принята попытка выяснить, каким образом посредством концептов отображаются лингвоспецифические особенности менталитета; выявлены специфические черты устройства цветовых концептов.

Ключевые слова: концепт, цвет, цветоименование, языковая картина мира.

Для филологических исследований XXI века характерна антропоцентрическая парадигма, согласно которой языковая личность воспринимается как центр лингвистической проблематики, а язык — как инструмент к пониманию ментальных процессов, ведь он выполняет не только информативную, коммуникативную, эмотивную функцию, но и «фиксирует весь комплекс знаний и представлений данного языкового сообщества о мире» [4, с. 4]. Таким образом, язык следует рассматривать как некий культурный код нации, а не просто как орудие общения и познания [6, с. 3].

Лингвоспецифические особенности менталитета ярче всего выявляются путём анализа его семантических компонентов — концептов, которые образуют сво-

еобразную концептосферу, являющуюся компонентом языковой картины мира.

Несмотря на достаточную степень изученности анализируемой проблемы, научный интерес к особенностям взаимоотношений языка и культуры не ослабевает. Свидетельством этому служит большое количество работ, ставших теоретической базой данной публикации.

Так, фундаментальные исследования языковой картины реализованы Н. Бахилиной, А. Вежбицкой, В. Воробьевым, А. Масловой, Ю. Степановым, Р. Фрумкиной.

Основоположными для развития понятия «концепт» стали труды Н. Болдырева, С. Воркачёва, А. Залевской, Е. Коньковой, Е. Кубряковой, В. Масловой, М. Никитина, Б. Серебренникова.

Изучению семантических, этимологических и лингвокультурологических особенностей цветовой лексики посвящены исследования А. Василевича, И. Ковальской, С. Кузнецовой, С. Цыгановой.

За последнее десятилетие филологическая наука обогатилась множеством глубоких диссертационных исследований, целью которых стало исследование базовых цветовых концептов, представленных в различных языковых картинах мира. Их авторы — Я. Астахова, И. Белобородова, Л. Голубь, К. Дмитриева, Т. Морозова и другие учёные.

Представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним [6, с. 64].

Известно, что первые попытки выделить и оформить понятие «картина мира» были предприняты ещё греческими философами. Сегодня, после смены парадигмы исследований в языкознании, лингвисты сумели не только разносторонне трактовать этот термин, но и детализировать его.

Так, в своей работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» [4] известный филолог О. Корнилов подчёркивает необходимость разделения понятий «языковая картина мира» (результат отображения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества), «национальная языковая картина мира» (результат отображения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса), «индивидуальная национальная языковая картина мира» (результат отображения объективного мира обыденным (языковым) сознанием отдельного человека — носителя того или иного национального языка).

В то же время В. Маслова утверждает, что термин «языковая картина мира» — это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [6, с. 66].

В современном языкознании употребляются несколько дефиниций анализируемого в данной работе понятия. Примечательно, что разные исследователи, исходя из своих научных интересов и целей, могут наполнять понятие «языковая картина мира» различным содержанием, подразумевать под ним нечто отличное от других

толкований, тем не менее, каждый учёный должен эксплицировать смысл, вкладываемый им в столь образное и часто используемое определение. Применительно к лингвистике картина мира в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка [4, с. 4].

Как уже было отмечено, отличительной чертой современного языкознания является тенденция к исследованию специфики национального мировоззрения посредством выделения отдельных концептов с изучением аккумулированной в них информации. В контексте данной статьи необходимо выяснить, какой смысл заключён в этом понятии.

Тут стоит подчеркнуть, что термин «концепт», изначально входивший в понятийный аппарат математических дисциплин, не так давно широко используется лингвистами. Как показывает анализ научной литературы, особо распространён он сегодня в лингвокультурологических исследованиях — одном из наиболее активно развивающихся направлений современной филологии.

Важно понимать, что, исследуя цветоименования в основном, денотативном значении, невозможно отобразить богатство их семантических и стилистических оттенков. В то же время, говоря о цвете как о концепте, мы учитываем не только его основное, «примитивное» значение, а целую систему дополнительных коннотаций, понятий, ассоциаций, вариаций, которые образуют своеобразное смысловое поле, отображающее всю палитру оттенков одного нейтрального цвета, по сути, являющееся концептом того или иного цвета.

Существуют различные подходы к пониманию термина «концепт»: лингвокогнитивный, лингвокультурный, психологический, психолингвистический; семантический, логико-понятийный. От них зависят трактовки анализируемого понятия.

Так, по мнению Е. Кубряковой, концепт — это термин, служащий объяснению единиц ментальных и психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [5, с. 90]. С. Аскольдов полагает, что концепт нужно рассматривать как общее понятие, замещающее нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода [2, с. 269]. Ю. Степанов рассматривает концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека, сгусток культуры в сознании человека, он не столько мыслится, сколько переживается [7]. На наш взгляд, именно последнее определение наиболее ёмко отображает суть понятия «концепт» применимо к пласту лексики, состоящей из цветоименований.

В современной науке цвет уже давно изучается не только как физическое явление, но и как психологическая, философская, культурологическая категория. Примечательно, что в лингвистических словарях понятие «цвет» не рассматривается, то есть, справедливо не воспринимается как элемент лингвистического поня-

тийного аппарата. Однако, в лингвокультурологических справочниках концепту «цвет» уделяется особое внимание, поскольку в нём заложена историческая, культурная, интеллектуальная, эмоциональная информация.

Если рассматривать интересующее нас явление с лингвокультурологических позиций, то цвет несомненно является концептом, потому что имеет аналог в объективной реальности, влияет на физическое и психоэмоциональное состояние человека, содержит ресурсы логического и чувственно-образного познания мира, является эстетической и морально-нравственной категорией и элементом мифа, культа, реализуется в цветообозначениях, словосочетаниях, идиомах [2, с. 27].

На формирование концепта отдельно анализируемого цвета влияют несколько факторов: это и частота употребления колоронима в речи; и сумма основных значений, вкладываемых носителями языка в конкретное цветоименование; и наличие или отсутствие образной коннотации.

Для каждого языка характерно разное количество цветных концептов. Неодинаковым будет и наполнение концепта синонимичными колоронимами либо их структурными вариантами. Общим для цветных концептов разных языковых картин мира будет их устройство: это ядро с центром, который образует основное наименование цвета, и периферия (которую делят на ближнюю и дальнюю) со всей палитрой колоровариаций базового цвета. Именно в периферийной зоне находятся те прилагательные с семантикой цвета, которые можно считать наиболее значимыми в отображении языковой картины мира. Скажем, если в концепте «красный цвет» ядром считать слово «красный», то словоформа «красенький» будет размещаться в ближней периферии и в семантическом плане будет отличаться от основного колоронима в малой степени. А вот лексему «кумачёвый» необходимо расположить в дальней периферии и именно она будет обладать национально-специфическим колоритом, несущим в себе конкретную историческую и культурную информацию.

Особое значение концепт «цвет» играет в художественном тексте. Здесь речь идёт уже не столько об общих для определённого этноса цветных характеристиках, сколько об индивидуально-авторском восприятии действительности, которое воплощается в собственной художественно-образной картине мира — идиостиле — писателя. Употребляя те или иные цветоименования, автор художественного произведения может более глубоко передать настроение главных героев, их эмоции и чувства, обозначить конфликт и т. д.

Литература:

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово/С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. — М.: Academia, 1997. — с. 267–279.
2. Астахова, Я. Цветообозначения в русской языковой картине мира : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01/Астахова Яна Алексеевна. — Москва, 2014. — 234 с.
3. Вежицка, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия/Анна Вежицка // Язык. Культура. Познание/Анна Вежицка. — М.: Русские словари, 1996. — с. 231–290.
4. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов/О. А. Корнилов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.

Так, цвет стал своеобразным лейтмотивом произведения Стендаля «Красное и чёрное» и конечно, речь тут идёт не о просто цветоименованиях, а о концепте со всеми ассоциативными связями и коннотативными нарощениями, характерными прежде всего для описываемой автором исторической вехи, и поэтому не всегда и не до конца понятными представителям другого этноса с иным историческим и религиозным прошлым. А. Вежицка утверждает следующее: несмотря на то, что цветное восприятие и является одним для всех групп людей, но языковая концептуализация различна в разных культурах, хоть здесь и есть поразительные элементы сходства [3, с. 238]. Таким образом, восприятие цвета связано с определёнными «универсальными элементами человеческого опыта» которые по-разному концептуализируются в разных языках.

Собственная цветовая картина мира, состоящая из определённого, характерного только для этих творцов, набора цветных концептов, существует у С. Есенина, Э. М. Ремарка, Ф. Фицджеральда и многих других авторов. Тут важно отметить, что у каждого литератора смысловое наполнение концепта «цвет» особое, поэтому, скажем, концепт «чёрный цвет» у писателей разных стран и исторических эпох будет индивидуальным. Бесспорно, что комплексный анализ идиостиля писателя и создание концептуальной модели автора невозможны без тщательного изучения цветных концептов, фигурирующих в его творчестве.

Итак, беря во внимание все вышеизложенные факты, можно сделать следующий вывод: концепт «цвет» — это компонент языковой картины мира, который является сложным многоуровневым образованием, отображающим объёмный семантический спектр оттенков и вариантов основного цветоименования, являющегося ядром концепта и представляющим глубинные пласты информационной базы о данном цвете, в котором представлены отличительные национально-специфические особенности менталитета определённого этноса.

Ввиду перспективности данной проблематики в последующих исследованиях необходимо уделить особое внимание анализу факторов, влияющих на формирование концептов отдельных колоронимаций; выявлению различий семантических наполнений концепта одного и того же цвета разными этносами; реализации концепта «цвет» в художественных произведениях. На глубокое изучение одной из названных проблематики и будут направлены наши дальнейшие научные поиски.

5. Кубрякова, Е. С. Концепт/Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1996. — 248 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/В. А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия». 2001. — 208 с.
7. Степанов, С. Ю. Концепт/С. Ю. Степанов // Константы: Словарь русской культуры: изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. с. 43–80.

Философско-религиозные темы в поэтическом творчестве тобольской поэтессы Надежды Атабиевой-Шишкиной

Княжева Вера Витальевна, преподаватель общественных дисциплин
ГАПОУ ТО «Тобольский многопрофильный техникум»

Значимость духовного самосовершенствования в нашем современном мире является одной из центральных тем развития человечества. Духовные ценности заменяются материальными, материализм становится главным регулятором развития нашего общества. Без духовного стержня ни одна материальная составляющая общества не может быть реализована в должной мере и являться системообразующим пластом.

Особо тонко и ранимо ощущают грани нашего мира творческие люди — поэты, писатели, художники, философы, просто глубокомыслящие духовные люди, которые ищут и находят смысл жизни в этом неоднозначном мире. Их творчество, реализация себя через творения, как нельзя лучше передают их внутренний мир и состояние души. Для кого-то их произведения служат источником вдохновения и наслаждения, порой служат проводником духовной энергии, под воздействием которой меняются приоритеты и ценности жизни. Под воздействием творческих произведений у человека происходит катарсис души.

Важность обозначенной духовной парадигмы развития общества и в частности отдельного человека, будет продолжать являться актуальной темой для дальнейшего изучения и постижения духовных тайн нашего сознания и бытия человека, его совершенствования.

Цель, которую поставил автор в данной статье является анализ и изучение поэтического творчества тобольской поэтессы Надежды Александровны Атабиевой-Шишкиной, поиска в ее стихах философско-религиозного содержания и осмысления бытия человека.

Тобольская поэтесса Надежда Александровна Атабиева родилась в п. Игриме Березовского района Тюменской области в многодетной семье. По специальности Надежда оператор почтовой связи. Работала воспитателем, няней в детском саду, начальником отделения связи, инспектором четвертого отделения в тобольском горвоенкомате, нефтехимкомбинате.

Детство Надежды прошло в лесозаготовительном поселке Новая Носка Тобольского района Тюменской области. В детстве росла скромным и застенчивым ребенком, с ранимой и открытой душой. Данные черты характера ярко проявляются у взрослой состоявшейся

поэтессы. Училась в школе Надежда хорошо, прилагала большое старание и усердие в учебе, занималась в литературном кружке. С большой благодарностью и уважением вспоминает свою первую учительницу литературы Аллу Борисовну, которая и разглядела в Надежде юное дарование. Алла Борисовна дала детям задание, написать стихи, в которых восемь указанных слов являются обязательными в тексте. В двенадцать лет первые пробы в стихотворном творчестве, положительная оценка и поддержка сельского педагога стали определяющими для дальнейшего самосовершенствования и определения своего творческого пути.

В четырнадцать лет Надежда пишет свое первое стихотворение о любви, чистой, как юная душа, полная грез и мечтаний.

В пятнадцать лет Надежда вместе с родителями переехала из поселка Новая Носка, подлежащего сносу в город Тобольск, который стал для нее дорогим и любимым городом, а также источником вдохновения для зарождения новой темы стихов. Надежда, посвятила Тобольску, Тобольскому кремлю, Иртышу много красивых стихов.

В тенистых улицах Тобольска

Мне дышится легко.

Я не хочу на юг нисколько —

Здесь доля счастья моего!

Родной Иртыш мне не заменят

Крутая Лена, Енисей.

Своею силой неизменной

Он лучший на планете всей!

А купола церковных храмов

Влекут людей издалека.

Не надо мне и Амстердама,

Мой город славен на века!

Это одно из ее трогательных стихотворений, посвященных замечательному старинному городу Тобольску.

В творчестве 25-летней поэтессы появляются более сложные, проблемные темы, Надежда пишет стихотворение «Почему так сложен мир?», в котором поэтесса делает попытки найти ответ на поставленный философский вопрос.

На протяжении своего поэтического взросления Надежда Александровна много работала, изучала твор-

чество коллег, во многом у них училась. На замечания и критику в адрес своих стихов никогда не обижалась. Как говорит Надежда, критика позволяла мне расти и анализировать свои пробы пера, и дальше идти вперед по избранному творческому пути.

Большую роль в становлении поэтессы оказал тобольский писатель, историк Вячеслав Сафронов, который возглавлял творческое литературное объединение тобольских поэтов «Вдохновение», куда входила Надежда. На первой встрече с Вячеславом Сафроновым, творчество поэтессы не было оценено и было подвергнуто критике. По воспоминаниям Надежды, когда она была приглашена на декламацию своих стихов, то не умела их читать, волновалась, чувствовала себя закрепощенной. Волнение и неуверенность в себе сказались и на оценке творчества поэтессы. Но Надежда с благодарностью вспоминает критику своих творческих учителей. Галина Минасьян, которая впоследствии возглавила творческое литературное объединение, помогла раскрепоститься Надежде и повысить ее самооценку. Надежда начала читать свои стихи, научилась держаться на публике, работать с аудиторией. Стихи автора стали проникать в сердца слушателей и были положительно оценены коллегами и поклонниками.

Музой поэзии, как вспоминает Надежда, являлась и является тобольская поэтесса Светлана Алексеевна Соловьева, лирика которой завораживает и проникает и душу каждого из нас.

Светлана Алексеевна знакома была с творчеством Надежды, читала ее стихи, которые публиковали в газете «Тобольская правда». Лично не зная Надежду, но сказала ее творческим коллегам, что этот автор будущая детская поэтесса, которая может писать стихи для детей и дарить им тепло.

Заочное знакомство с творчеством Светланы Соловьевой стало определяющим содержанием лирики Надежды Атабиевой. Надежда искала встреч с поэтессой, желала личного знакомства, которое вскоре состоялось. При первой личной встрече Светлана Алексеевна попросила Надежду прочитать свое любимое произведение. Вот строки ее любимых стихов:

*Первый снег стучит средь ночи
вновь в мое окно,
Мне мгновение такое
празднику равно.
Напророчь мне счастье доля,
ведь будил не зря.
Дай душе моей раздолье,
новая заря.*

После декламации стихов и беседы со Светланой Соловьевой, поэтесса рекомендовала Надежде обратиться к учителю литературы, который сможет помочь поработать над формой и содержанием стихов. После встречи с литератором Надежда работает над краткостью и содержательностью текста, ищет новые поэтические темы, сжигает авторские произведения, имевшие темную окраску и оттенок грусти и печали.

После этих встреч у поэтессы начинается новый этап творческого развития и рождение новых поэтических тем.

Как и предсказала Светлана Соловьева, Надежда в своем творчестве много посвящает детской теме, которой вдохновилась в 90-е годы, работая в детском саду няней и воспитателем. Всем детям, с которыми работала Надежда, посвятила и подарила свои стихи. Дети в детском саду были воодушевлением для поэтессы и стали героями ее многих стихов. Детский сад для Надежды, это не просто место работы, а мастерская для творчества, творческий храм, превратившийся в сказку. Надежда делится детскими высказываниями, услышанными от детей, бережно хранит свою исписанную тетрадку и с трепетной любовью читает детские мысли вслух. А любимым трем внукам — Вике, Мише и Ване и двум дочерям Елене и Екатерине, Надежда старается уделить особое внимание в своем творчестве, в котором чувствуется трепетное отношение и любовь к родным и близким людям.

*Вика, Миша, Ваня — внуки.
Мой восторг и счастья звуки!*

Надежда очень щедрый на любовь человек, в ее творчестве мы можем проследить теплое отношение к родителям, братьям, сестре, а также многим творческим людям, друзьям, учителям, одноклассникам. Вот строки из стихотворения, посвященные маме и папе:

*Взгляд ваш добр,
лучист и светел.
Дарит свет любимый детям.
Годы вместе бы сложить,
Чтоб еще Вам столько жить.*

Семейный очаг для Надежды является источником добра и света, определяющим смысл ее жизни.

*Энергия предков в теле моем,
Я детям и внукам оставляю ее.*

В творчестве поэтессы имеют место стихи, посвященные памяти бездомной собаки по имени Дина, которую однажды Надежда спасла и приютила у себя дома.

*Ты когда-то бездомной собакой была.
Но твой взгляд добротой лучился.
Я, желая спасти, тебе угол дала,
Вот такой наш союз получился.*

Надежда очень религиозна, к размышлению о вечных вопросах и Боге она пришла постепенно, когда в тридцатилетнем возрасте приняла православное крещение. Свою жизнь Надежда сравнивает с негаснущей свечей, которую она несет из Храма Божьего.

*В Великий Четверг
Пред Пасхой Святой
Свечу из Храма несу.
Ее сохраняя, спешу я домой,
В ней моей жизни суть.*

Порой в ее стихах жизнь сравнима с темной ночью, которая прошла и сменилась днем, благодаря чистому свету на пути к Богу. Мир для Надежды представляется противоречивым, сложным, в котором есть место интригам, спорам, брани. Поэтесса отражает в стихах философские темы, которыми задается и дает на них ответы.

*Зачем интриги, споры, брани,
Когда земля, как сад цветет?
Прохладным летним утром ранним
С улыбкой солнышко взойдет.*

Ответ на данный вопрос поэтесса видит в творении добра друг другу и непротивлению злу, осознания пони-мания скоротечности жизни, которую не стоит тратить на раздоры.

*Не променяю жизнь на склоки,
Ненужную вражду невзгод.
У жизни тоже свои сроки,
И в ней мне дорог каждый год!*

По ее мнению, судьба человека, продолжительность жизни определены свыше и человек не вправе нарушать законы природы.

*Ровною жизнью, размеренной
Учусь потихоньку жить.
Сколько мне Богом отмерено?
Не оборву раньше нить.*

Молитва, терпение, вера в Бога, творение добра, так автор определяет свое жизненное бытие и надежду на спасение.

*Тихонько плакала душа
И помощи моей просила:
«Во тьме мне тяжело дышать,
В молитве есть и свет, и сила».
Надежду я ей подала
И перед Богом помолилась
Она, как роза расцвела,
И снова ярко засветилась!*

Творческое вдохновение к автору, муза поэзии при-ходят в единении и гармонии поэтессы с миром природы, природа — это храм Божий, который является источ-ником поэзии:

*Стихи рождают небеса,
И снег, и дождь,
Цветочный сад,
Волны бегущей речки всплеск.
Рождает стих
Шумящий лес,
Птиц щебетанье
и ручей,
И взгляд сияющих очей.*

Временам года, явлениям природы, как в знак благо-дарности, Надежда с душевной теплотой и детской наи-вностью посвящает большое количество своих стихов:

*Сколько солнца, сколько света —
Наконец в Сибири лето!
Цвет черемух на лету,
Куст сирени весь в цвету.
Разнотравье расцвело.
Лето, лето к нам пришло!*

Через поэтическое творчество поэтесса раскрывает себя как личность, человека, мать, супругу, дочь, ба-бушку и мы узнаем об авторе как о добром и кротком человеке, чувствительном и немного наивном, благо-дарном своей судьбе за все удачи и неудачи, радости и печали.

*За все тебя благодарю!
Судьба я знаю точно,
Желаньем к жизни я горю,
И верю в нее прочно!*

Надежда не ждет заслуг и поощрений, не любит лести, зависти и лжи. Сама, как и ее творчество оста-ется нежной и кроткой, порой незамеченной в кругово-роте событий, но обращающей на себя внимание чув-ственных и ранимых людей.

Творческий путь Надежды мы можем проследить по первым авторским публикациям, с которыми чита-тели знакомились на страницах городской газеты «То-больская правда». В 2006 году творчество поэтессы вошло в сборник местных авторов «Возьми поэта в собеседники». Главным достижением поэтессы счи-тает, выход в свет первого сборника авторских стихов в апреле 2015 года. В книге представлены произве-дения разных лет и тематики от сложных по содер-жанию — философско-религиозных, патриотических, проникнутых грустью и радостью, до детских, посвя-щенных юным читателям. Первые стихи, которые включены в этот сборник поэтесса посвятила своим друзьям, поэтам и название этих стихов послужили на-званием сборника «Стихия»:

*Вокруг стихи!
И на конверте,
И на обложке от тетради,
И на клочках газет.
Поверьте,
Поверьте, други, — строчек ради!
Стихия в доме у поэта!
Скажите, да не Чудо ль это?*

На некоторые стихи автора тобольскими поэтами-му-зыкантами наложена музыка. Таковым является стихот-ворение «Колыбельная», музыка написана Натальей Петровной Загваздиной.

С 2003 года поэтесса регулярно принимает активное участие в городских культурных мероприятиях. Явля-ется дипломантом многочисленных городских фести-валей музыки и поэзии имени Светланы Соловьевой, «Гитара по кругу», творческих вечеров. Надежда со-стоит в городском творческом литературном объеди-нении поэтов «Слово» (руководитель Н.П. Загваз-дина).

Неоднократно приглашалась на встречи с детьми дет-ских садов, учащимися школ города, студентами про-фессиональных учреждений, в библиотеки, храмы, где для публики читала свои стихи и проводила беседы. На-дежда с радостью рассказывает о своем творчестве, к ней охотно обращаются школьники, учителя для напи-сания эссе, рефератов, журнальных статей.

Таким образом, проведенный анализ творчества то-больской поэтессы Надежды Атабиевой-Шишкиной позволяет нам сделать вывод о том, что произведения автора проникнуты религиозно-нравственной тема-тикой, поиском ответов на вечные вопросы челове-ческого бытия, обретения жизненного смысла в вере, тво-рении добра в мире и непротивлению злу. Философия и религия, культура и мораль в авторских произведениях нашли тесный союз, которые позволяют поэтессе с уве-ренностью смотреть и верить в светлое и доброе начало своего жизненного пути.

Литература:

1. Записано от Атабиевой Н. А., 1957 г. р., г. Тобольск Тюменская область, 18—20.08.2015.
2. Атабиева-Шишкина, Н. А. Стихия/под ред. Р. А. Половинко. — Тобольск, 2015. — 200 с.
3. Возьми поэта в собеседники/сост. Н. П. Загваздина. — Тобольск: Рекламно-издательский дом «Стиль жизни», 2006. — 196 с.

Системное описание семантической парадигматики лексики

Ломаев Борис Федорович, кандидат филологических наук, доцент, профессор РАЕ
Забайкальский государственный университет

Содержанием настоящей работы является исследование системной парадигматической организации лексики, выражающей модальность возможности в английском языке. В задачу работы входит системное описание семантической парадигматики лексики, благодаря семантике которой суждение соединением субъекта и предиката выражает модальность возможности в предложении, например: *It is possible that he may know her.*

Описание семантической парадигматики исследуемых лексических единиц основывается на материале словарных дефиниций. Количество общих и различных элементов в словарных дефинициях лексических единиц говорит о существовании их смысловых связей. Именно наличие общих элементарных смыслов, входящих в значение рассматриваемых слов, объединяет эти слова в определенные группы слов.

Семантический анализ выделяемой в работе лексики, изучение ее семантических парадигматических свойств производится в рамках семантического поля, в основе теории которого, как известно, лежит положение о том, что словарь языка представляет собой строго организованную систему взаимообусловленных групп семантически связанных друг с другом лексических единиц [1, с. 30].

Для установления системно-структурной парадигматической организации изучаемого семантического поля необходимо конкретизировать понятие связи слов в поле. Дело в том, что между лексическими и семантическими единицами нет прямой корреляции. С. Д. Кацнельсон в этой связи отмечает, что «явления полисемии, синонимии и синтаксической деривации нарушают параллелизм между значениями и фонетическими словами» [2, 106].

Лексическое значение/единица семантической системы языка/ — это определенным образом упорядоченная информация, сущность, имеющая сложный состав — структуру, которую Л. Ельмслев [3, с. 122] определяет как автономную сущность с внутренними зависимостями. Семантическую структуру слова, таким образом, можно представить как упорядоченное множество семантических составляющих с внутренними зависимостями и оппозициями.

Характер оппозиций между множествами и, соответственно, между элементами множеств в настоящей работе трактуется так же как у Ю. Н. Караулова [4, с. 57]:

1. Нулевая оппозиция, или отношение равенства между множествами. Элементы таких множеств, то есть основные семантические составляющие сравниваемых слов, одинаковы. Интерпретацией этой оппозиции будут синонимы, у которых совпадают основные элементы и которые различаются «оттенками значения». Например: *Potential — that can come into existence:: Possible — that can exist.*
2. Привативная оппозиция, или отношение строгого включения. Примером такой оппозиции может служить отношение, в котором находятся родовые и видовые наименования. Ср., например: *Possible — that can be done:: Receivable — that can be received.*
3. Эквиполентная оппозиция: два множества пересекаются друг с другом. Их пересечение составляет общую часть обоих множеств. Помимо одинаковых элементов/место пересечения множеств/у сравниваемых слов есть и неодинаковые. Ср., например: *Admissible — that can be allowed:: Preventable — that can be prevented.*
4. Дизъюнктивная оппозиция: у множеств нет общих элементов.

С помощью этих четырех типов оппозиций между множествами можно уточнить понятие семантической связи слов в поле. В семантическое поле входят значения с общими элементами множеств, то есть значения, находящиеся в нулевых, эквиполентных и привативных оппозициях.

Оппозиции же между *элементами* множеств, между отдельными семантическими составляющими могут быть только двух типов: нулевые или дизъюнктивные, так как элементы бывают или одинаковые, или разные. Необходимо отметить, что в случае дизъюнктивной оппозиции следует различать собственно дизъюнктивную и ее частный случай антонимичную оппозицию, которая существует лишь в определенных условиях, а именно при наличии привативной оппозиции. Антонимы в поле, так же как и общелекксические антонимы, не просто отрицают друг друга, а предполагают нечто общее, на основании чего их можно сравнивать,

например: *certain — having no doubt:: uncertain — having doubt*. В семантическом поле этим общим в нашем случае является инвариантный признак/он же значение имени поля/ — *Power which is potential*. На общем фоне исследуемого поля смысловые взаимоотношения этих единиц можно представить в виде оппозиции:

Much Power which is Potential:: Little Power which is Potential.

Основываясь на предварительном выводе о семантической связи слов в поле/в семантическое поле входят значения, находящиеся в нулевых, эквиполентных и привативных оппозициях/, строим семантическое поле, что подразумевает его развертывание: вычленение микрополей, звеньев лексики, семантически связанной с исходной субстанцией поля [5, 609].

Выделенные нами микрополя *Possibility, Ability, Chance, Probability, Certainty-Sureness, Uncertainty-Doubt, Permission-Sanction* объединяются в одно общее семантическое поле *Potentiality* на основе его инвариантного свойства. Таким образом, общий смысл всего поля, его значение служит как бы фоном, на котором происходит это объединение. Фон можно сравнить с родовым именованим. Отличает же одно микрополе от другого так называемый спецификатор, который на общем фоне «определяет семантическую специфику именно данного микрополя — то, что отличает его от других микрополей с той же семантической основой» [6, с. 68]. Спецификатор в этом смысле сравним с видовым именем.

Синонимический характер семантических отношений между конституентами внутри микрополей, а также корреляции семантического родства между микрополями в пределах поля подтверждает правомерность выделения семантического поля — системно-структурной организации семантического содержания лексики, соотносимой с исследуемым понятием.

Спецификаторы микрополей, то есть инвариантные значения рассмотренных групп слов/названия микрополей/считаются ключевыми семантическими составляющими семантического поля «Возможность», которое можно представить как структурное множество его ключевых семантических составляющих: предположительность, способность, вероятность, случайность, определенность-уверенность, неопределенность-сомнение, просьба-разрешение.

Литература:

1. О теории семантического поля см., например: Уфимцева А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка. — Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961, с. 30.
2. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965, с. 106.
3. Ельмслев, Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — Новое в лингвистике, вып. 2, М., 1962, с. 122.
4. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля. — Филологические науки. 1972, № 1, с. 57.
5. Исходным языковым материалом для настоящего исследования послужили единицы, выбранные из понятийного словаря *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*. 1993.
6. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, с. 68.

Из вышеизложенного следует, что обобщенное значение возможности расчленяется в современном английском языке на определенное число «подзначений», которые можно соотнести с «отграниченными внутри себя» различными оттенками и степенями рассматриваемого понятия: *Possibility, Ability, Chance, Probability, Certainty-Sureness, Uncertainty-Doubt, Permission-Sanction* [7, 25]. Лексические единицы, конституирующие ключевое семантическое содержание исследуемого поля, отнесены в тезаурусе к трем большим понятийным классам: *Intellect, Abstract Relations, Volition* — понятиям, являющимся наиболее обобщенным отражением действительности в сознании человека. Невозможность найти прямую и полную корреляцию между понятийной сферой, понятиями как категориями мышления и языковой сферой, значимыми языковыми единицами, передающими эти понятия, можно проиллюстрировать следующим образом:

Ключевые семантические составляющие поля <i>Potentiality</i>	Понятийные классы, подклассы/классы идей/
<i>Possibility Probability Certainty-Sureness Uncertainty-Doubt</i>	<i>Intellect. Qualifications of Intellectual Faculties and Processes.</i>
<i>Ability Chance</i>	<i>Abstract Relations. Power in general. Causation.</i>
<i>Permission</i>	<i>Volition. Special Intersocial Volition</i>

Лексико-семантический критерий построения семантического поля позволяет перейти от понятийной общности, каковой характеризуется рассматриваемая группа слов в тезаурусе, к семантической общности в пределах семантического поля. Конституенты поля характеризуются целым рядом общих признаков: фоном/значением поля/, смысловой близостью, родством, о чем свидетельствуют их активные корреляции семантической близости внутри микрополей, корреляции смыслового родства между микрополями. Обработанный таким образом материал служит в качестве исходного для более детального анализа по семантическим составляющим, для получения более полного описания системно-структурной парадигматической организации лексики.

7. См. в этой связи: Ломаев Б. Ф. Парадигматические и синтагматические характеристики предикативной лексики, выражающей модальность возможности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининский гос. ун-т, 1974, с. 25.

Понятийный слой концепта «поэт» в лирике И. А. Чернухина — пространство, время, человек

Малышева Мария Сергеевна, аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В центре нашей работы — концептуализация действительности в лирике белгородского поэта И. А. Чернухина. В творчестве И. А. Чернухина выделяется ряд доминирующих концептов, которые становятся ядром, организующим когнитивный слой языковой личности поэта. Рефлексивность — основное свойство языковой личности. Поэзия — средство познания мира и самопознания. Начиная с 1960-х годов XX столетия в творчестве И. А. Чернухина нашли отражение представления о функции искусства, месте и роли поэта в обществе.

В творчестве белгородского автора находит отражение экстралингвистический материал: 1) пространственный; 2) человек; 3) временной, — а также метафорический способ представления концепта: «А я полюблю эту землю, / И ей поклянусь до креста, / Что правду одну лишь приемля. / Не трону без дела листа» [6, 110]. Доминирующее значение в понятийном слое занимает понятие *эта земля*, которое представлено, в свою очередь, в трех указанных ипостасях: 1) пространство (*эта земля*); 2) время (не ограничено); 3) человек (мир героя). По словам В. Н. Телия, «рождение метафоры тесно связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями, с системой оценок, которые существуют вне языка и лишь вербализуются в нем» [2, с. 78]. Творчество белгородского поэта в этом смысле не является исключением. «Поэт» для И. А. Чернухина — это и любовь к родной земле, и теснейшая связь поэта-творца с малой родиной, и клятва в верности, и религиозность (*крест*), и борьба за правду в творческом акте. В связи с этим не менее важной при вербализации концепта «Поэт» в творчестве И. А. Чернухина становится обращение к теме выбора и нравственного самоопределения поэта.

В стихотворении «Слова» (1998) И. А. Чернухин размышляет о выборе поэта: а был ли у него другой путь? Мог ли поэт поступить иначе, предать свои идеалы и убеждения? При этом, репрезентация исследуемого концепта в стихотворении происходит посредством зарисовки жизненного пути поэта: «Я жил, как жил... / Не важно, что неважно, / А важно, что душа была чиста. / Всё начиналось с белого листа / И трепетно, и честно, и отважно» [3, 24]. Наиболее устойчивым способом метафоризации в данном пласте лирики И. А. Чернухина становится

представление образа поэта посредством номинации его чувств и качеств: *душа была чиста, трепетно, честно, отважно*.

В *творчестве* поэта, по И. А. Чернухину, переплетается физической (*нерв, рисунок, звук*) и метафизическое (*сладкие муки, восторг, благодарение, обида*) начала: «Бумага под рукой меняла виды / И обретала нерв, рисунок, звук. / Переплетались в них от сладких мук / Восторг, благодарение, обида» [3, 24]. По И. А. Чернухину, такая репрезентация возвышает поэтическое творчество и образ поэта над всеми другими искусствами, поскольку поэзия сочетает в себе и характер (*нерв*), и образ (*рисунок*), и поэтическую музыку (*звук*), и диалектику (*нерв, сладкие муки*).

Не менее важно при исследовании концептуализации действительности в творчестве регионального поэта и привлечение экстралингвистического материала. Так, И. А. Чернухин, говоря о творческом пути поэта, обращается к эстетической функции поэзии как средства постижения мира: «Слова шли горлом... / Робко, как невольник, / Я постигал туманный белый Свет, / Опасный, как Бермудский треугольник, / Загадочный, как женщина, как смерть» [3, 24]. При этом, поэт использует экспрессивные средства: эпитет «загадочный» создает эмоциональный тон, который усиливает сравнение мира с Бермудским треугольником, женщиной и даже смертью. Как видим, такие разные метафоризированные образы выстроены в один сопоставительный ряд, но это нельзя назвать случайностью в творчестве И. А. Чернухина, который путем постижения глубины «Поэта», опасностей окружающего мира, ищет собственный творческий идеал. Для его «Поэта» процесс развития связан с поисками поэтического слова, которое И. А. Чернухин ставит наравне с молитвой: «Я им дышал, / И принимая битвы / За честь свою и за свои права, / Шептал я, как старинные молитвы, / Свои новорождённые слова» [3, 24]. Знак равенства между поэтическим словом и молитвой не случаен: это становится главным условием его духовного развития, способствует его внутреннему нравственному определению, приближает к поэтическому идеалу.

Концептуальное поле «Поэт» неразрывно связано с рассуждениями в лирических стихотворениях о доле поэта, о его пути и возможности выбора. И здесь И. А. Чернухин обращается к одной из значимых фигур античности — Овидию. Стихотворение «Овидий» (1983)

представляет собой метафоризированное размышление на тему: а каким должен быть путь поэта? Неужели его доля — быть обреченным, как некогда Овидий, на страдания, непонимание (Овидий, по версии, представленной в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [7], из-за несоответствия пропагандируемых им идеалов любви официальной политике императора Августа в отношении семьи и брака был отправлен в ссылку на север Римской империи, в западное Причерноморье, где провёл последние десять лет жизни)? И.А. Чернухин видит только один путь для поэта: *«Всё с болью выстрадать, не плача: / Любовь и ненависть... и страх, / Удачу рядом с неудачей, / И злой навет... и кличку «враг». / Всё выстрадать и мир увидеть / Глазами светлыми от грёз.»*. [5, 108]. Неслучайно и обилие антонимов при создании образа поэта, подчеркивающих его противоречивую природу. В то же время И.А. Чернухин, создавая прецедентное имя — *Овидий*, абстрагируется от политической составляющей биографии античного поэта. «Поэт» здесь номинируется и как «боль», и как противопоставленные друг другу номинации чувств «любовь» и «ненависть», «удача» и «неудача», и как «страх», а также как «грезы». Совокупность антитез и противоречий — вот что такое, по И.А. Чернухину, «Поэт». При этом, «Поэт» не должен никому показывать свои эмоции и чувства. Подчеркивая эту мысль, в стихотворение вводится обращение к Овидию: *«Зачем ты снишься мне, Овидий, — / Мне тяжело во сне от слёз»* [5, 108], — в котором творческая жизнь «Поэта» представляется как «сон» и «слезы».

Невозможным была бы репрезентация концепта «Поэт» в творчестве И.А. Чернухина вне контекста исторической эпохи, вне его социального окружения. Это обусловлено тем фактом, что сами эмоции недоступны прямому наблюдению, поскольку их весьма сложно, а иногда и невозможно, «перевести в слова», что заставляет говорящего сравнивать эмоцию, им описываемую, с другим явлением, с его точки зрения, — похожим [1]. «Поэт» И.А. Чернухина определяется через его отношение к обществу, взгляды на творчество. «Поэт» — герой лирического творчества И.А. Чернухина нередко противопоставляет себя общественному мнению, взглядам и идеалам своих современников. Именно таким предстает он нам в стихотворении **«Вызов»** (1993).

Привлекая экстралингвистический материал к процессу концептуализации действительности, И.А. Чернухин ставит своего «Поэта» выше всех конъюнктурных аспектов современности: *«Мне не с кем давно состязаться, / Я эту игру позабыл. Мне некого больше бояться — Я ужасов книгу закрыл»* [4, 109]. Эта отстраненность, исключительность «Поэта» выражается посредством метафорических отрицаний: *«не с кем состязаться», «некого бояться»,* — а также путем номинации поэтического труда и его результатов как «игра», «книга ужасов». В вербализации исследуемого концепта немаловажную роль играет и историко-литературный материал. Творческий идеал «Поэта» — А.С. Пушкин, солнце русской поэзии. Именно ему И.А. Чернухин отдает право судить современных «по-

этов»: *«Куда вы, бараниш ушки, / И вы, золотые уста?... / На ваши творения Пушкин / Не выдал бы вам и листа. / Нахально переть... на арапа. / (Тут Шариков нужен язык!) / К тому же маститая лапа / И к ней государственный лик»* [4, 109]. Вербализуя концептуальное поле «Поэт», И.А. Чернухин прибегает к приему антитезы. С одной стороны, «Поэт» — это «бараниш ушки» и «Шариков язык». Так белгородский автор подчеркивает никчемность поэзии современной. С другой же стороны, — «золотые уста» и «Пушкин», — противопоставляемые И.А. Чернухиным поэзии современности.

Особое внимание в репрезентации концепта «Поэт» в анализируемом поэтическом тексте уделяется представлению современных «поэтов». И.А. Чернухин посредством литературного слова показывает, как эти «поэты» ничего не стесняются, рвутся к власти, используя свой «талант» как средство саморекламы: *«Тогда вам и чёрт не помеха. / Все двери открыты палат... / Гуляйте, умельцы успеха / И свой возносите талант. И слава придёт к вам, и критик / Напишет внушительный труд. / Потом вас потянут на митинг / И в верхний Совет изберут. / Проявите власть и натуру. / И даже презренье к рублю»* [4, 109]. И.А. Чернухин ярко характеризует современную «творческую интеллигенцию», в описании использует иронию, ряд контекстуальных метафор: «двери открыты палат», «слава придет к вам», «внушительный труд», «проявите власть и натуру», — главной из которых является «умельцы успеха».

Как видим, «Поэт» у И.А. Чернухина представлен не только положительной коннотацией, но всесторонне, всеобъемлюще, вариативно. «Поэт» — это не только идеал, но и антиидеал. Стихотворение «Вызов» заставляет задуматься о пути поэта и функции искусства. Может ли быть поэтическое слово средством рекламы, приложением к деньгам и власти? Должен ли поэт быть верен своим идеалам, слушать голос сердца, творить по велению души? И кто он вообще такой — «Поэт»? Ответы на эти вопросы, данные И.А. Чернухиным, однозначны.

Его «Поэт» противопоставляет себя и свои идеалы социальным и моральным ценностям своих современников. Не деньги и власть, а родная земля, совесть, душа становятся основой его поэзии: *«Но вашу литературу / Я все-таки не полюблю. / А я полюблю эту землю, / И ей поклянусь до креста, / Что правду одну лишь приемля. / Не трону без дела листа. / Слово своё не нарушу / И совесть свою не предаю... / А вольное сердце и душу / Высокому небу отдам»* [4, 110]. Несмотря на негативную коннотацию концепта «Поэт» в данном тексте, И.А. Чернухин возвращается к своим творческим идеалам, в которых «Поэт» — это любовь к родной земле, «клятва до креста», «правда», верность слову, «совесть», «верное сердце», «душа», «высокое небо».

Таким образом, концептуальное поле «Поэт» в творчестве И.А. Чернухина представлено специфически и неоднородно. Его «Поэт» — это и «нерв», «ри-сунк», «звук», и «сладкие мухи», «обида», и «нена-

висть», «страх», и «игра», «книга ужасов», и «бараньи уши», «Шариков язык», но это и «Пушкин», и «золотые уста» и, прежде всего, это «любовь», «восторг», «благодарение», и все самые светлые человеческие чувства. Верность своим моральным уста-

новкам, твердость духа, горячая любовь к Родине — отличительные черты «Поэта» — героя стихотворений И. А. Чернухина. Именно сформировавшаяся посредством концептуализации в поэзии личность «Поэта» отличает его творчество от произведений современников.

Литература:

1. Русская языковая картина мира и системная лексикография/В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян и др. — М.: Языки славянских культур, 2006.
2. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988.
3. Чернухин, И. А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. — Белгород: Отчий край, 2003.
4. Чернухин, И. А. Город надежды: книга стихов, — Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2006. — 320 с.
5. Чернухин, И. А. Долина: лирика/Игорь Чернухин; ред. Савин П. И. — Белгород: Белгород. областная тип., 2009. — 196 с.
6. Чернухин, И. А. Земное время. Стихотворения. — Белгород: Крестьянское дело, 1999.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 тт. и 4 доп. тт. — М.: Терра, 2001. — 40726 стр. — Т. 21А. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924218#?page=1>

Тавтологические сравнения, сравнения-оксюмороны и их стилистические функции в идиолекте Анны Ахматовой

Меденцева Наталья Петровна, ассистент

Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Лирические произведения Анны Андреевны Ахматовой отличаются своей оригинальностью, необычностью словоупотребления, которая, однако, не затрудняет понимания. Поэтесса использует все средства языковой образности русского языка. В ее поэзии наблюдаются широкая и глубокая метафоричность, образность единиц разных языковых уровней. При создании образов-символов проявляется яркая индивидуальность поэтессы, неповторимость и свежесть выражения образов отличает ее идиолект. Усиления выразительности речи Ахматова достигает использованием тропов и фигур. Особое место в этом ряду занимает сравнение.

В ее поэтической речи сравнение выражается различными способами.

Своеобразие ее стиля заключается в том, что поэтесса не стремится использовать каждый троп отдельно, «в чистом виде». Не редки случаи, когда тропы и фигуры сплетаются, сливаются, накладываются друг на друга, что придает ахматовским произведениям особые стилистические характеристики.

Рассмотрим особо примечательные случаи.

1. Тавтологические сравнения

А. Ахматова иногда освобождает сравнения от сопутствующего им ощущения рационализации, рассудочных взвешиваний сходства, делает их или изысканными или, напротив, тавтологическими.

Ушакова под тавтологическим сравнением понимает сочетание именительного падежа с творительным одного и того же слова: ходил нарядный фазан фазаном,

смотрел на всех зверь зверем. Наличие именительного и творительного в сравнении как бы удваивает силу сходства предметов и делает сравнение стилистически более выпуклым.

У Ахматовой не встречаются такие формы тавтологических сравнений, Чаще она использует сравнительную степень с объектом в родительном падеже:

Рассмотрим это на примерах.

Стала **забывчивей** всех **забывчивых...**

«Белая стая», стр. 107

Взоры **огненной** огня...

«Ветер войны», стр. 368

В данных примерах тавтологические обороты усиливают эмоциональность строк, к тому же придает сходство с устной речью, что тоже добавляет экспрессию.

Встречаются у Ахматовой другие тавтологические сравнения. Они создают особый эффект вследствие неожиданности смыслового тождества:

И мы, словно смертные люди,

По свежему снегу идем.

«Белая стая», стр. 137

И холоднее льда уста мои

«Белая стая», стр. 113

Как всякий тавтологический оборот, такая форма усиливает смысл сравнения, привлекает к нему внимание.

Такие сравнения составляют примерно 1,5% от общего числа сравнений.

2. Сравнения, подобранные по мотивам эмоционально-смыслового контраста (сравнения-оксюмороны). В таких предложениях сравнение имеет своеобразный стилистический характер. Сравнительные отношения в таких предложениях устанавливаются таким образом, что слово, являющееся основанием сравниваемых единиц, приобретает прямо противоположное значение. В таких случаях с особой силой выявляется роль семантических отношений между словами, определяющими сравнительные связи в предложении.

Припала я к земле сухой и душной,
Как к милому, когда поет любовь.
«Четки»

Оттого и лохмотья сиротства
Я, как брачные ризы, ношу...
«Anno Domini»

Как подарок, приму я разлуку

И забвение, как благодать.

«Anno Domini»

Как видим, несовместимость слов, составляющих предложение, приводит не только к «обратному результату», к противоположному смыслу предложения, но и к гиперболизации образа.

Подобный стилистический прием в употреблении сравнений истоками восходит к фольклору, к устной разговорной речи. Сравнения — оксюмороны отличаются экспрессивностью. Поэтому Ахматова охотно прибегает к такому выразительному в стилистическом отношении приему

В сборнике «Не тайны и не печали» насчитывается 15 сравнений-оксюморонов, что составляет 3,4% от общего числа сравнений.

Литература:

1. Ахматова, А. А. Не тайны и не печали... Ташкент, 1988
2. Виноградов, В. В. Стилистика. Поэтика. М., 1963
3. Ушакова, Е. М. Лингвистический аспект в изучении сравнений. // Язык и текст в пространстве культуры. С.-Петербург — Ставрополь: СГУ, 2003

Стилистические фигуры, тропы и их стилистические функции в стихотворении А. С. Пушкина «Телега жизни»

Меденцева Наталья Петровна, ассистент

Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Стихотворение «Телега жизни» Александр Сергеевич Пушкин написал в 1823 году — в период, когда в настроении прогрессивных людей того времени назрела уверенность в необходимости переустройства общества. Подобные идеи, витавшие в воздухе, не могло оставить без внимания правительство, которое усилило и без того жесткий контроль за действиями передовых деятелей искусства, политики и литературы. Была усилена цензура, подвергались ссылкам многие писатели и поэты. Увы, Пушкин не был исключением. Поэт отчетливо осознавал, что надо менять порядок мироустройства и... чувствовал свое бессилие, бесполезность своих попыток. Упаднические настроения поэта и были отражены в «Телеге жизни».

Данное стихотворение относится к циклу философской лирики Пушкина. В нем в философском плане рассматривается тема предопределенности жизненного пути человека, предрешенности его поступков.

Стихотворение «Телега жизни» — сюжетное. Сюжетная линия описывает три этапа жизненного пути человека — молодость, зрелость и старость. При описании используется параллель с путешествием человека в телеге. Пушкин использует развернутую метафору для раскрытия темы.

В первой строфе дается описание «телеги жизни»: она «на ходу легка» и ею непрерывно управляет «ямщик лихой, седое время».

Во второй строфе показаны действия человека в период «утра жизни» — молодости: он презирает «лень и негу», высокомерно относится к ямщику — времени, не стесняясь в выражениях (Кричим: пошел,.....ть!)

В третьей строфе человек достигает «полуденного возраста» — зрелости: он уже опасается «косоголов и оврагов» и просит время «быть полегче». Хотя человек и здесь использует ругательство (Кричим: полегче, дуралей!), но это ругательство звучит уже не столь уверенно. Слово «дуралей» произносится уже для приободрения самого лирического героя, который все еще хочет доказать себе, что от него что-то зависит.

В четвертой строфе дается описание старости — «вечера жизни», который заканчивается вечным «ночлегом» — смертью.

Примечательна заключительная строка —

А время гонит лошадей.

В сочетании с описанием бега времени в первой строфе она создает своеобразное кольцо, внутри которого жизнь человека кажется лишь маленьким, ничего не значащим эпизодом.

Все художественно — изобразительные средства, использованные Пушкиным в этом стихотворении, направлены на полное, глубокое раскрытие темы.

Развернутая метафора содержит в своем составе сложную систему образов.

Человек — это «бремя»

Телега — это жизнь человека

Ямщик — время, которое не останавливается ни на минуту.

Символически сам образ телеги. Пушкин прекрасно владел поэтической речью. Почему же вдруг в его стихотворении появляется такой прозаизм?

У меня две версии. Во-первых, телега — это «народное» транспортное средство, надежно служащее простым русским людям, (т. е. связь с русской действительностью). Во-вторых, телега, хотя практична и может довести груз до нужного места, лишена изящества, гармонии, «полета» (это подчеркивает, что Пушкин в момент создания стихотворения находился в унынии, в подавленном состоянии).

Этапы жизни человека тоже показаны метафорически: Утро — молодость. Полдень — средний возраст. Вечер — старость. Ночь — смерть. Бегущие лошади — вечность, неумолимость времени.

Система эпитетов тоже своеобразна. Эпитетов мало, так как сюжет стихотворения предполагает динамику. Но эти эпитеты очень образны и лаконичны:

Бремя тяжело. Телега легка. Ямщик лихой. Седое время.

Лексика стихотворения весьма разнопланова. Высокая лексика соседствует с разговорной и даже сниженной. Например, поэтические старославянизмы «время», «бремя», «нега» сочетаются с просторечиями «голову сломать», «дуралей», ругательством «...ть!». Тем самым Пушкин показывает, что в течение жизни человек может столкнуться с разными ее проявлениями, как с уродливыми, так и прекрасными. Но судьба человека все равно предрешена.

Поэтический синтаксис позволяет придать стихотворению эмоциональную составляющую. В тексте два раза встречается восклицательный знак.

Кричим: пошел,!

И

Кричим: полегче, дуралей!

Причем восклицательный знак встречается в предложениях, содержащих в себе прямо противоположные команды (резкое изменение внутреннего состояния человека).

В третьей строфе можно заметить несоответствие конца предложения и конца строки.

Порастрясло нас: нам страшной

И косогоры, и овраги.

Звукопись также активно используется А. С. Пушкиным. При создании поэтического образа телеги, трясущейся на ухабах, Пушкин применяет аллитерацию (часто повторяющийся звук «Р»: бремя, время, рады, презирая, кричим, порастрясло, страшной и т. д.

Неоднородный ритм стихотворения также подражает ритму телеги, движущейся по неровной дороге. Стихотворение написано четырехстопным ямбом. А неровность ритму придает наличие пиррихий (безударных стоп) в незакрепленном порядке и наращений (в нечетных строках каждого катрена). Мужская рифма чередуется с женской. (Мужская — в четных строках, женская — в нечетных).

Проанализировав стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Телега жизни», можно с уверенностью утверждать, что автору удалось при помощи развернутой метафоры просто и лаконично донести идею о бесполезности попыток человека повлиять на ход времени, истории. Эта философская идея в контексте всего творчества Пушкина кажется чужеродной, выбивающейся из общей колеи жизнерадостной, оптимистической лирики Александра Сергеевича. Но это только доказывает разноплановость гения, его искренность перед читателем, потому что Пушкин не утаивает ничего, происходящего в его душе и мыслях.

Система запретов как нравственный регулятор христианской религиозной культуры

Новикова Оксана Владимировна, соискатель

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Христианство является крупнейшей мировой религией как по численности последователей, так и по распространенности. Его основу составляют Священное Писание (Библия) и Священное придание. В христианстве в отличие от существовавшего ранее язычества нравственные нормы оказываются обращены не ко внешним делам и поступкам и не только к внешним проявлениям веры, а к внутренней мотивации человеку.

Христианство, как и любая другая религия, строится как некая система правил, норм и предписаний человеку по которым последний пытается выстроить свою жизнь.

Основные нравственные регуляторы христианской религии содержатся в Нагорной Проповеди Иисуса Христа:

«Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его.

И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах:

так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Матфея 5: 1–12).

Одновременно с этим христианская религия ограничивает и ограждает человека от определенных поступков, действий и даже мыслей. На протяжении своего развития христианство выработало систему четких предписаний и запретов, в рамках которых человеку позволяется действовать. Любой выход за данные рамки автоматически влечет за собой определенное наказание.

Функционирующие в христианстве запреты четко выражены в так называемых Заповедях Блаженства:

«1. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.

2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи [родов] любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо не оставит Господь без наказания того, кто употребляет имя Его напрасно.

4. Наблюдай день субботный, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему. Не делай [в оный] никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя, как и ты. И помни, что [ты] был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботный.

5. Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

6. Не убивай.

7. Не прелюбодействуй.

8. Не кради.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

10. Не желай жены ближнего твоего, и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его,

ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5: 5–21).

Все запреты, функционирующие в рамках христианской культуры, нам представляется возможным разделить на:

— **жесткие запреты** (полные запреты) — налагающие полное ограничение на совершение определенного действия (нельзя совершать то или иное действие ни при каких обстоятельствах);

— **ситуативные запреты** (запреты средней степени жесткости) — налагающие частичное ограничение на совершение определенного действия, данное поведение или единичное действие не допустимы в конкретной ситуации или определенное время (ситуативно-временное ограничение);

— **мягкие запреты** — рекомендации, поучительные наставления предписания, регулирующие поведение человека в различных ситуациях.

Десять Заповедей и другие заповеди, определяющие моральное поведение человека, вместе с новозаветным учением составляют единый нравственный закон. Отметим, что Десять Заповедей содержат в себе самые основы нравственности, закладывают те фундаментальные принципы, без которых невозможно существование никакого человеческого общества. Поэтому, они являются как бы «конституцией» или «Magna Charta» человечества. Вероятно, по причине такой чрезвычайной важности и неприкосновенности Десять Заповедей, в отличие от других требований и предписаний, были написаны не на бумаге или другом каком-либо тленном материале, но на камне.

Рассмотрим имеющиеся заповеди и отметим, что в них просматривается определенная последовательность. Так, в первых четырех заповедях говорится об обязанностях человека по отношению к Богу:

1) *Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим;*

2) *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои;*

3) *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно;*

4) *Соблюдай день субботный, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой; следующие пять определяют взаимоотношения между людьми:*

5) *Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.*

6) *Не убивай.*

7) *Не прелюбодействуй.*

8) *Не кради.*

9) *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.*

Последняя же призывает к чистоте мыслей и желаний:

10) Не желай жены ближнего твоего, и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5: 6–21).

По замечанию служителя московского прихода отца Петра, «заповеди — это не запреты, а дорожные знаки, флажки, которые ограждают выкопанную яму на дороге. «Осторожно, здесь опасность!» — говорят они. Любой, кто движется по дороге, волен проигнорировать ограждение и знаки, но тогда за его жизнь не дадут и ломаного гроша. Так и заповеди предупреждают нас: внимание, это грех; совершая его, вы подвергаете душу и тело опасности. Любой нравственный запрет, ограничивая нашу свободу в малом, уберегает нас от большой несвободы, а иногда и от рабства» [цит. по 5].

На наш взгляд, к **жестким запретам** могут быть отнесены следующие заповеди:

1) «*Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим*».

В первой заповеди дается направление умственной и волевой деятельности человека и этим закладывается фундамент его жизни. Вот почему эта заповедь занимает первенствующее место среди других заповедей. Она устремляет духовный взор человека к Богу и говорит ему: пусть Господь будет первым предметом твоих мыслей и стремлений. Познание Бога — считай самым драгоценным знанием, Его волю — высшим авторитетом, служение Ему — жизненным призванием.

2) «*Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои*».

Данной заповедью Господь запрещает человеку создавать себе кумиров — вещественных или воображаемых — служить им, преклоняться перед ними и воздавать какие-либо почести.

3) «*Не прелюбодействуй*». Данной заповедью Господь Бог велит мужу и жене хранить взаимную верность, неженатым же быть целомудренными — чистыми в делах, словах, мыслях и желаниях. Чтобы не грешить против седьмой заповеди, надо избегать всего, что возбуждает нечистые чувства, как то: сквернословие, «пикантные» анекдоты, бесстыдные песни и пляски, просмотре соблазнительных фильмов и фотографий, чтение безнравственных журналов. Объясняя седьмую заповедь в Нагорной проповеди, Господь говорит: «*Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*».

4) «*Не укради*». В данной заповеди Господь Бог запрещает присвоение того, что принадлежит другим. Виды кражи разнообразны: воровство, грабительство, взяточничество, тунеядство (когда получают плату за работу, которую не исполняют), лихоимство (когда берут с нуждающихся большие деньги, поль-

зуясь их бедой) и всякое присвоение чужой собственности путем обмана. Является воровством, когда человек уклоняется от платежа долга, утаивает найденное, обмеривает и обвешивает при продаже, удерживает плату работника и т. д.

5) «*Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего*». Всякая ложь недостойна христианина и не согласна с любовью и уважением к ближним. Апостол Павел наставляет: «*Отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что вы — члены друг другу*» (Еф. 4:25). Относительно осуждения, Спаситель категорически заявил: «*Не судите, да не судимы будете!*». Ближний исправляется не осуждением или насмешкой, а любовью, снисходительностью и добрым советом. Надо помнить и свои слабости. Вообще, необходимо обуздывать свой язык и воздерживаться от празднословия. Ведь слово — это величайший дар Творца. Животные этого дара не имеют. Когда мы говорим, мы уподобляемся Творцу, слово. Которого немедленно становится делом. Поэтому дар слова надо употреблять исключительно для доброй цели и во славу Божию. Относительно пустословия Иисус Христос учил: «*Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься*» (Мф. 12:36–37).

6) «*Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его... ни всего того, что принадлежит ближнему твоему*». Данной заповедью Господь учит верующих воздерживаться от зависти и от нечистых желаний. В то время, как предыдущие заповеди говорили преимущественно о поведении человека, эта последняя заповедь обращает наше внимание на то, что происходит внутри нас: на наши мысли, чувства и желания. Она призывает стремиться к душевной чистоте. Всякий грех начинается с нехорошей мысли. Если человек на этой мысли останавливается, то возникает греховное желание. Желание толкает человека на некорректный поступок. Поэтому, чтобы успешно бороться с соблазнами, надо научиться пресекать их в самом зародыше — в мыслях.

К запретам **средней степени жесткости** (ситуативные запреты) могут быть отнесены запреты, содержащиеся в следующих заповедях:

1) «*Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его*».

Данный запрет мы рассматриваем, как запрет средней жесткости, поскольку в апостольское время суббота соблюдалась христианами иудейского происхождения. Од-

нако, в первый день после субботы, в воскресенье, иудеи-христиане собирались для молитвы и причащения. Так, уже в первое столетие христианской эры возникло празднование воскресного дня. Обращая язычников в христианство, апостолы не требовали от них соблюдения субботы, но собирали их на молитву именно в воскресный день. Постепенно суббота уступила место воскресенью, которое стало повсеместно отмечаться, как день, посвященный Богу, в исполнение четвертой заповеди.

2) «*Не убий*». С одной стороны запрет совершенно конкретен и ясен, но мы считаем, что запрет, содержащийся в данной заповеди относится к запретам средней жесткости потому, что несет в себе двойкий смысл. В оригинале: «*לֹא תִרְצַח*». Использованный глагол «*רָצַח*» обозначает безнравственное преднамеренное убийство (ср. англ. murder), в отличие от любого вообще убийства, например в результате несчастного случая, в целях самообороны, во время войны или по решению суда (ср. англ. kill). (Так как сама Библия предписывает смертную казнь по решению суда в результате нарушения некоторых заповедей, этот глагол не может означать убийство вообще, при любых обстоятельствах).

И, наконец, к *мягким* запретам — рекомендациям, поучительным наставлениям, предписаниям, регулирующим поведение человека, мы отнесем следующую заповедь — «*Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе было хорошо и чтобы ты долго жил на земле*».

Данной заповедью Господь Бог повелевает нам почитать своих родителей, за что обещает благополучную и долгую жизнь. Почитать родителей значит: уважать их авторитет, любить их, ни при каких обстоятельствах не смеять оскорблять их словами или поступками, повиноваться им, помогать им в трудах, заботиться о них, когда они находятся в нужде, а особенно во время их болезни и старости, также молиться за них Богу, как при жизни их, так и по смерти. Неуважительное отношение к родителям есть великий грех. В Ветхом Завете, кто злословил отца или мать, наказывался смертью (Мр. 7:10; Исх. 21:17). В отличие от современного общества, когда мы говорим просто, как о наставлении и чуть ли не о просьбе.

Запреты, как наставления идут не только из уст самого Господа Бога, но также от Соломона, сына Давида, Царя израильского: «*Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его*» (Притч. 3:27), «*Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобой*» (Притч. 3:28) и т.д. В книге Екклесиаста или проповедника мы видим запрет на быстрые обещания: «*Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово перед Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги*» (Еккл. 2:5).

Резюмируя отметим, что на наш взгляд, существующая система запретов может рассматриваться в качестве нравственного механизма, регулирующего практически все стороны жизни верующего человека.

Литература:

1. Библия: Книги Ветхого и Нового Завета. — Брюссель, 1972. — 1042 с.
2. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии. — Волгоград: Перемена, 2007. — 375 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 331 с.
4. Кравченко, А. И. Культурология. — М.: Академический Проект, 2002. — 496 с.
5. Священник Павел Гумеров. Малая Церковь. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. — 240 с.:

Регулятивный характер институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений писателей-врачей)

Пономаренко Елена Аликовна, доктор филологических наук, доцент
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассматривается вопрос о регулятивном характере институционального (медицинского) дискурса. Отмечается, что материальными проявлениями регулятива в речевом общении являются средства его распространения как на уровне языковой системы (языковые единицы), так и за её пределами (на уровне языкового сознания). Вводится понятие жанрового концентратора, который понимается как принцип организации содержания по относительно замкнутым циклам, в пределах которых формируются относительно автономные схемы построения речевых высказываний разной сложности в соответствии с разными сферами и целями общения.

Ключевые слова: институциональный (медицинский) дискурс, регулятив, жанровый концентратор, речевой жанр, сфера общения, цель общения.

Понятие «дискурса», заимствованное из структурной лингвистики, получает в конце XX — начале

XXI века всё более широкий смысл. Дискурс рассматривается как речевая деятельность, речевая коммуни-

кация, трактуется специалистами как сложный сплав речевых актов, речевых жанров, различных модальностей и методов. В многочисленных работах (Карасик В.И., Баранов А.Н., Романов А.А., Кубрякова Е.С., Макаров М.Л., Падучева Е.В., Бейлинсон Л.С., Гончаренко Н.В., Жура В.В. и др.) освещается социально-прагматическая концепция дискурса, опирающаяся на типологию сфер общения и коммуникативных ситуаций, которая строится на основе противопоставления личностно-ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного типов дискурсов [2, с. 245]. Отмечается также, что «институциональность носит градуальный характер», а ядром институционального дискурса является общение *базовой пары* участников коммуникации» (*выделено нами*) [1, с. 4].

Цель данной работы — продемонстрировать регулятивный характер институционального (медицинского) дискурса с учётом исторически сложившейся клинической парадигмы. В качестве примеров институционального дискурса предлагаются фрагменты диалогов, выбранные из художественных произведений русских и советских писателей-врачей.

В соответствии с представлениями учёных тверской школы динамической (регулятивной) модели диалога институциональность можно трактовать как *категориальный регулятив*, где под *регулятивом* понимается «единица информации, которая, влияя на ход определённых событий в процессе общения, способствует как возникновению своих «копий» в умах участников общения, так и генерированию всей *системы* регулятивных единиц, используемых собеседниками в диалогическом взаимодействии, развивающемся по типовому (фреймовому) сценарию [5, с. 188]. По мнению А.А. Романова, «всю совокупность *диалогических регулятивов* целесообразно разбить на три основных группы: а) *категориальные (или программные) регулятивы*, б) *стратегические регулятивы* и в) *ассоциативные регулятивы*. [5, с. 190]. Говоря о категориальных регулятивах, исследователь отмечает, что «*категориальные регулятивы* задают «логику» взаимодействия партнёров и определяют схему коммуникативных отношений, в которой эти взаимоотношения и реализуются. Отсюда специфическая организация «сюжета» диалога, которая, безусловно, опирается на события и факты, однако в целом строится исходя из соображений достижения определённой цели. Мышление, таким образом, функционирует практически, имея перед собой некоторую цель и во многом подчиняясь этой цели, а не только законам логической последовательности и строго необходимым связям. Основанием в таком процессе категоризации служит большей частью исторический и культурный опыт по освоению реальности, преломлённый в системе ориентаций конкретного говорящего субъекта» [5, с. 190].

Известно, что семантическое пространство медицинского дискурса определено исторически сложившейся клинической парадигмой. Медицинская парадигматика предопределяет схему речевого взаимодействия врача и пациента, где на уровне содержания медицинский дис-

курс представляет собой обмен информацией, попеременно осуществляемый его участниками. На структурном уровне клиническая информация подаётся в виде диалогических единств, состоящих из реплик партнёров по общению. Поэтому, принимая во внимание категориальную регуляцию институционального (медицинского) дискурса, следует учитывать как иллокутивный характер речевых актов врача, так и характеристики речевого поведения пациента.

Наблюдая над речевым взаимодействием участников медицинского дискурса (врача и пациента), можно констатировать, что институциональность вступает в противоречие и в сильной степени ограничивает один из базовых признаков дискурса — *спонтанность*. Для *институционального* дискурса характерна однотипность и одноплановость коммуникативных ситуаций, что, в соответствии с дисциплинарной матрицей — в нашем случае медицинской науки — предполагает относительную предсказуемость интеракции и, следовательно, предвосхищает использование ограниченного ряда жанровых форм в речи. *Институциональность* являет собой демаркационный признак, отделяющий достаточно узкоспециальное поле жанрово-речевой аутентичности от количественно превосходящего поля жанрово-речевой экстернальности. «Экстернальные, или внеположные РЖ, то есть принципиально невозможные для данного типа дискурса или как минимум для одного из коммуникантов» [3, с. 120]. Подобный факт объясняется тем обстоятельством, что сценарий речевого взаимодействия врача и пациента зависит от нескольких определяющих факторов, основными из которых представляются *клинические и психоэмоциональные*. *Клинические* факторы определяются необходимостью понимания особенностей патологического состояния пациента, а также наличием соответствующей информации о болезни. *Психоэмоциональные* факторы учитывают такие характеристики, как реакция пациента на личность врача, присутствие типичных эмоций (страх, тревога), реализуемых пациентом при общении, а также ответные терапевтические реакции врача. Следовательно, осуществление основной стратегической задачи — выздоровление пациента — следует в соответствии с корректно заданным сценарием, схемой расспроса. При этом главной целью квалифицированного расспроса является достижение обратной связи с пациентом.

Исходя из того, что телеология медицинского дискурса обусловлена системой *регулятивов*, мы можем наблюдать, что за ведущей ролью врача в медицинском дискурсе закрепляются речевые стратегии и тактики, целью которых является контроль за ситуацией общения, типизация темы диалога в соответствии со схемой (парадигмальной структурой) специфической коммуникации, типизация вербального выражения, а также воздействие на пациента с целью фиксации его внимания на специфическом содержании дискурса. В качестве примеров *категориального регулятива* могут служить следующие диалоги: — *Перетирку велели мне тогда делать. — Чёрной мазью? — Чёрной*

мазью, батюшка, чёрной... — Накрест? Сегодня — руку, завтра — ногу?.. — Как же. И как ты, кормилец, узнал? (льстиво). «Как же не узнать? Ах, как не узнать. Вот она — гумма!» — Дурной болью болел? — Что вы! У нас и в роду этого не слыхивали. — Угу... Глотка болела? — Глотка-то? Болела глотка. В прошлом году. — Угу... А мазь давал Леонтий Леонтьевич? — Как же! Чёрная, как сапог. — Плохо, дядя, втирал ты мазь. Ах, плохо!.. (Булгаков, Звёздная сыпь).

— Пришёл провериться. Я ведь помогал оснащать лаборатории — вот вы меня и посмотрите при помощи тех самых приборов и аппаратов. — Что вас беспокоит? Сердце? Рано. Вы ещё молодой человек. Наверное, пятьдесят с небольшим? — Так точно, Фёдор Григорьевич. Да ведь какие нагрузки! Много лет я был начальником Главленинградстроя. А сейчас председатель горсовета. Сами понимаете... — Да, конечно. Так что вас беспокоит? — Появились сжимающие боли в области сердца, в левой руке и лопатке. Временами одышка (Углов, Под белой мантией)

Первый диалог строится с помощью наводящих вопросов врача, предпосылкой которых является клиника проявлений сифилиса. В данном случае представлен паттерн патогенеза сифилиса. Как видно, врач обладает, во-первых, визуальной информацией о болезни (сифилитическая гумма), а во-вторых, парадигмой симптоматики данного заболевания. Вопросно-ответные единства, оформляющие диалог, фиксируют семантическое поле медицинского дискурса и логичным образом определяют появление коннотации в форме РЖ *упрёка*.

Во втором диалоге также присутствует схема расспроса пациента, выстроенная с учётом парадигмальной структуры медицинского дискурса. В данном случае вопросно-ответные единства, нацеленные на сбор анамнеза, логически завершаются РЖ *жалобы*.

Очевидным представляется тот факт, что целью методологии медицинского дискурса является, прежде всего, регулятивная деятельность врача, обеспечивающая отсечение периферийных и экстернатальных дискурсивных планов коммуникации и эффективное взаимодействие с пациентом в рамках актуального дискурсивного события (обращения больного за медицинской помощью). В связи с этим мы вправе говорить о *регулятивном* характере любого институционального дискурса, который является предпосылкой использования внутри этого дискурса аутентичных языковых средств и речевых жанров: «Материальными проявлениями *регулятива* в речевом общении являются *средства* его распространения как на уровне языковой системы (языковые единицы), так и за её пределами (на уровне языкового сознания). Другими словами, *регулятив* как *единица диалогического общения* реализует себя в коммуникативном процессе комплексно: на поверхностном уровне она репрезентирует себя в виде определённых (иногда готовых, шаблонных) языковых конфигураций и в виде типовых моделей речевого и неречевого поведения, а на глубинном уровне — в виде структурированного

в психике функционально-семантического представления знаний об опыте (опытных образцах) реализации этих форм речевого и неречевого поведения в соответствующих (складывающихся, сложившихся) ситуациях реального мира» [5, с. 190]. Таким образом, следует обратить внимание на то, что регулятивы реализуются в речи как некие наджанровые структуры, модели речевого поведения, и жанровые (шаблонные, парадигмальные) конфигурации.

Иллокуция медицинского дискурса предполагает использование определённых речевых стратегий и тактик, направленных на сбор информации о патологическом процессе и координацию действий, в том числе и речевых, направленных на рецессию патологического фактора. В подобном речевом взаимодействии регулятивы нередко сопровождаются психолингвистическими и паралингвистическими маркерами диалога. «Психологическая составляющая *регулятивного действия* как единицы конкретной реализации типового *регулятива* предполагает внутреннее проявление определённой информации, приносящей определённые внешние результаты, в то время как языковая составляющая выступает в качестве маркировки речевых и неречевых действий участников диалогического общения» [5, с. 190].

Регулятивным характером институционального дискурса определяется явление, которое мы называем **жанровым концентром**. Под концентром понимается принцип организации содержания по относительно замкнутому циклам, в пределах которых формируются относительно автономные схемы построения речевых высказываний разной сложности в соответствии с разными сферами и целями общения. Применительно к медицинскому дискурсу, где сфера общения является типовой и цель диалога определена категориальными (программными) регулятивами, жанровый концентр представляет собой парадигму речевых жанров, являющихся валентными по отношению друг к другу. То есть, имеется в виду *не строгая последовательность* жанров в речи, а институциональная закономерность, в рамках которой жанры соединяются в циклы диалогических единств. Речевые жанры, образующие жанровый концентр дискурса, в соответствии с нашей классификацией (см. журнал «Жанры Речи», 2015. — № 1) имеют характер аутентичных либо комплементарных по преимуществу. Языковые средства, оформляющие речевые жанры, могут быть как минимализированными, так и достаточно развёрнутыми. При этом жанровые циклы задают определённый диалогизм жанра. Например, РЖ *просьбы* «диалогичен» с РЖ *отказа*; РЖ *жалобы* — с РЖ *постановки диагноза*; РЖ *отказа* — РЖ *убеждения*. Примерами диалогов могут служить следующие: — *В чём дело? Снимите шубу. Откуда вы?*

(жанр *жалобы*) *Лихорадка замучила, ответил больной и скорбно глянул. Каждый день, как двенадцать часов, голова начинает болеть, потом жар как пойдёт... Часа два потреплет и отпустит. «Готов диагноз» — победно звякнуло у меня в голове (жанр постановки диагноза) — Вот что, голубчик, — говорил я, постукивая по широчайшей*

теплой груди, — у вас малярия. Перемежающаяся лихорадка... (Булгаков, Тьма египетская).

В связи с высказанной нами точкой зрения, важным представляется понимание жанровой структуры речевого общения как *цепочки, взаимосвязи* регулятивов → интенций → речевых стратегий и тактик → иллокуций → иллокутивных речевых актов → речевых жанров как конечного звена семантической экспликации институционального диалога. К. А. Рогова акцентирует внимание на том, что выбор определённого речевого жанра «задаётся спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом её участников и т. п.». [4, с. 65]. Следовательно, условия, создаваемые медицинским дискурсом, характеризуются: а) специфической (парадигмальной) структурой медицинского расспроса; б) тематической фиксацией на предмете диалога; в) парадигмальной конкретикой ситуации общения врача и пациента; г) ограниченным персональным составом дискурсивной ситуации, с чётким делением на коммуникативные роли — доминирующую

и подчинённую. В этих условиях становится возможным *определённое, минимально варьируемое количество речевых жанров*, обеспечивающих речевое взаимодействие. «Жанры, по определению Бахтина, соотносятся с *типическими ситуациями речевого общения, типическими темами*, что ведёт к некоторым *типическим контактам значений слов* с конкретной реальной действительностью при *типических обстоятельствах*. Высказывание рассматривается как «*звено в цепи речевого общения определённой сферы*», и его *нельзя оторвать от предшествующих звеньев, которые определяют его извне и изнутри, порождая в нём прямые ответные реакции и диалогические отклики*. Фиксируется связь высказывания *не только с предшествующими, но и с последующими звеньями речевого общения*, что позволяет предположить, что речь идёт не только о связях речевых жанров внутри текста, но и в интертекстуальном пространстве» (*выделено нами*) [4, с. 65]. Таким образом, речевые жанры следует рассматривать в их взаимной корреляции — как на уровне валентности жанров, так и на уровне жанровых единств.

Литература:

1. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса/В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. — Волгоград: Перемена, 1999. — с. 3–17.
2. Карасик, В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс: [монография]/Владимир Ильич Карасик. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
3. Пономаренко, Е. А. Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений русских писателей-врачей)/Е. А. Пономаренко // Жанры речи. — Саратов: Саратовский государственный университет, 2015. — № 1. — с. 117–121.
4. Рогова, К. А. Речевое общение и текст/К. А. Рогова // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования. — Симферополь: Таврический НУ им. В. И. Вернадского, 2013. — с. 64–66.
5. Романов, А. А. Лингвистическая мозаика: Избранное/А. А. Романов. — М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА: Издательство «Агросфера», 2006. — с. 188–192.

Возникновение, развитие и современная феноменология жаргона наркотизма в России

Тихомиров Сергей Михайлович, врач психиатр-нарколог
Медицинский центр «МедЭкс»

Изложены обстоятельства возникновения и динамика развития жаргона потребителей наркотиков. Представлены примеры из тематических групп слов жаргона. Обозначены характерные феноменологические особенности лексики лиц, участвующих в нелегальном обороте наркотиков.

Ключевые слова: наркотики, конспирация, жаргон, тайноговорение, тематика жаргонизмов.

Эволюция человека привела к возникновению речи, формированию языка — средства общения и самовыражения. Организуя устройство своей жизни, порядок в ней, постепенно люди пришли к необходимости создания своего государства. Одним из первых делений всего стало деление «свой» — «чужой». Сразу же часть знаний была объявлена секретной, недоступной чужим,

так как знания позволяли управлять людьми. Но государственные тайны надо было передавать по наследству, сообщать новым служащим. Возникла необходимость в создании средств тайного общения, прежде всего у правителей и их помощников — жрецов языческих культов.

Освоение мира природы предоставило человеку информацию о том, что потребление некоторых растений

оказывает значимое влияние на поведение людей, позволяет ими манипулировать. Поняв силу воздействия растений на человеческую психику, регламент и ритуалы потребления растений, содержащих психоактивные вещества, монополизировали жрецы религиозных культов. Происхождение таких растений было объявлено божественным, они считались дарами богов, даже частицами самого бога, что сказалось на их первых неформальных названиях — «растения радости» — так шумеры 5000 лет назад называли опийный мак [6]. Образование современных религиозных конфессий сразу не изменило ситуацию коренным образом. Все религии взяли соответствующие растения «на вооружение», поклонялись им, искали в ощущениях, вызываемых наркотиками божественные откровения. Но монопольными знания о «чудесных» растениях оставались весьма недолго. Информацию о свойствах растений широко использовали лекари (траволечцы) для целительства различных заболеваний. А колдуны, шаманы активно применяли растения в своих колдовских ритуалах.

Подданные в государстве, оставаясь индивидуумами, не все проявляли законопослушание и конформизм. Церковь, стремясь увеличить своё влияние, срасталась с системой государственной власти. Формирующиеся государства начали подвергать репрессиям, суровым наказаниям всех, кто не подчинялся законам и не соблюдал культовые заповеди. Ослушники законов, нарушители канонов были вынуждены таиться. Они предавались запретным делам и удовольствиям втайне, что способствовало развитию тайноговорения, а в дальнейшем и тайнописи, в первую очередь у ренегатов, преступников, сектантов, а позднее и у потребителей наркотиков.

Информация о «волшебных» свойствах растений, содержащих наркотики, тайно распространялась вместе с торговцами, приносилась воинами-захватчиками в периоды войн. На Руси уже в XII—XIII веках люди узнали о существовании и свойствах опия, познакомились с его действием. Количество тайных слов о наркотиках стало увеличиваться параллельно числу их потребителей.

Потребление наркотиков росло прежде всего среди девиантов — людей, преступающих законы и другие социальные нормы. К XVI веку преступники в России стали консолидироваться, преступность приобрела групповой характер, требующий развития тайных коммуникаций. В XVII веке, был создан Приказ тайных дел — учреждение, ответственное за хранение секретов государства. А иностранные купцы тем временем тайно торговали на рынках Прикаспия и Причерноморья коноплей. Химия и медицина продолжали своё развитие. Расширялось применение опия и препаратов на его основе в лечении различных болезней. При этом вред наркотиков был ещё не известен в своём полном объёме и, назначение наркотиков, а также их потребление было достаточно бесконтрольным. Злоупотребление наркотиками при отсутствии контроля увеличивало число нелегально потребляющих их людей.

В местах активной преступной деятельности — рынках, гостиницах, портах — в XVIII веке появились притоны, в которых можно было свободно употреблять

наркотики, чаще всего курить опий. Развитие потребления наркотиков преступниками, соответственно, привело к развитию жаргона потребителей и торговцев наркотиками. На этом фоне, усиление государственного контроля за подданными привело уже к созданию своеобразных устойчивых институтов резервации — тюрем, колоний, закрытых учебных заведений, в которых между содержащимися и надзиравшими за ними «стояла глухая стена непонимания и ненависти», которая «постепенно перешла в осознанную оппозиционность» [7]. Увеличение числа людей, посещавших другие страны, расширяло возможности приобщения и к чужестранным контркультурам. Например, слово «кайф» — от арабского «кэф» — время приятного безделья, состояние блаженной неги, было «привезено» в Россию в 1821 году из Египта путешественником О.И. Сенковским [1].

Жаргонизмы потребителей наркотиков к началу XX столетия прочно заняли свои места в лексике не только преступности, но и богемы. Двадцатые годы прошлого века были временем, когда Россия перенесла эпидемию потребления наркотиков — кокаина и морфина, оставившую ростки контркультуры потребления наркотиков — прозаические и поэтические воспоминания о несчастьях, приносимых потреблением наркотиков: А. Вертинский «Кокаинетка», В. Инбер «Девушка из Нагасаки», М. Булгаков «Морфий», М. Агеев «Роман с кокаином» и т. п.

Снятие ограничений на потребление алкоголя в 20-е годы вернуло людей к привычному варианту одурманивания и потребление наркотиков в 30-е годы происходило в основном в регионах произрастания конопли, мака, эфедры.

Середина 50-х годов XX века охарактеризовалась в России началом формирования новой социальной проблемы — наркотизма, определяемого сегодня как «относительно распространённое, статистически устойчивое социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических (и токсических) средств и в соответствующих последствиях» [3]. Жаргон наркотизма пополнялся словами, узанными и транслируемыми людьми, побывавшими в эвакуации в период Великой Отечественной Войны в местах произрастания и потребления мака, конопли. Первыми из учёных обратили на это внимание криминологи, отмечая рост числа зависимых от наркотиков в среде преступников [8] и врачи, не умевшие эффективно лечить «незнакомую» им болезнь [4].

Распространение идеологии контркультурного движения хиппи в России в 60—70-е годы XX века существенно простимулировало динамику наркоторговли в стране и дальнейшее распространение жаргона потребителей наркотиков. «Дети цветов» не видели в потреблении наркотиков ничего опасного, считая это просто правом человека. Жаргоны потребителей наркотиков и адептов других суб- и контркультур стали стремительно пополняться англицизмами. Увеличивалось количество публикаций в СМИ о маргинальных явлениях. Российские преступники налаживали международные связи,

что привело уже в 90-е годы как к появлению и распространению синтетических наркотиков, так и обозначающих их чаще иноязычных жаргонизмов.

Развитие тайноговорения и тайнописи контркультуры в этот период, названный позднее «неологическим бумом», было обусловлено несколькими причинами, относимыми лексикографами к экстралингвистическим:

- резкими переменами в политической и экономической жизни общества;
- быстрым развитием техники;
- появлением новых отраслей в научной деятельности;
- инновациями в научных исследованиях;
- выходом человека в космос;
- проникновением человека в тайны мироздания [2].

Рост и развитие кустарного производства наркотиков сопровождалась структуризацией наркотизма как контркультурного института, хранящего в тайне свою деятельность. Традиции контркультуры передавались неопитам устно. Умножилось число апологетов контркультуры наркотизма — появились свои поэты и стихи, певцы и песни, байки, анекдоты, литературные произведения, печатные средства массовой информации. Творчество наркотизма с начала XXI века весьма широко представлено в сети Интернет. Размытие межкультурных границ позволило жаргону наркотизма использовать для пополнения своего лексикона все языки и жаргоны как массовой культуры, так и суб- и контркультур, прежде всего молодёжной субкультуры и контркультуры преступности, т.е. стать кросскультурным. Такая его особенность была обусловлена двумя следующими факторами:

- вступление молодёжи во взрослую жизнь начинается фактически в 17–18 лет, а социальная зрелость — в 23–24 года, т.е. права взрослого гражданина предоставляют индивидуумам, у которых не сформировались ещё социальные нормы и барьеры;
- повышенная активность, чаще проявляющаяся в молодом возрасте при нерастраченных энергетических запасах, на фоне неразвитого «Я», не всегда адекватной оценки своего поведения, неполноценной самокритики, часто приводит к девиантным и делинквентным поступкам и поведению;
- общество изолирует девиантов, тем самым резко увеличивая их концентрацию в местах лишения свободы и предоставляет им возможность беспрепятственно «обмениваться» содержанием своих жаргонов.

Исследования масштабов распространённости наркопотребления в России, проведённые после официального признания в 1986 году наличие в стране проблемы наркотизма, показали, что значительное число подростков и молодёжи уже знакомо с жаргонизмами, относимыми к сфере наркопотребления и самими потребителями наркотиков [5].

Необходимо также отметить, что жаргон применяют для коммуникации не только непосредственные потребители наркотиков, но и люди, не принимающие наркотики, а собирающие сырьё, изготавливающие, перевозящие, торгующие наркотиками. Жаргонизмы в сфере

оборота наркотиков фактически являются недоязыком контркультуры всего наркотизма.

Лексика современного российского наркотизма, по примерным подсчётам, представлена более чем 5000 лексемами и фразеологизмами. В силу различных причин, целенаправленное изучение имеющейся информации до настоящего времени не проведено. Релевантные исследования жаргона в доступной литературе отсутствуют. Репрезентативные лексикографические данные о нём не приводятся. Конспиративность контркультуры наркотизма, динамика появления новых жаргонизмов позволяет предположить, что весь объём жаргона с учётом его региональных вариантов может быть примерно в полтора раза больше приведённой цифры.

Слова и выражения жаргона можно тематически разбить на следующие группы:

1. Обозначения людей (в скобках приводятся примеры слов):

- участвующие в функционировании контркультурного института наркотизма:
 - a) изготовители наркотиков («варщик», «повар»);
 - b) потребители («опиушник», «ширевой», «нарик»);
 - c) собиратели сырья («ботаник»);
 - d) перевозчики («гонец»);
 - e) обучающие других обращению с наркотиками и вовлекающие в потребление — извлечению их из сырья, «пониманию» ощущений после приёма, пропагандирующих гедонизм как образ жизни («дед», «учитель»);
 - f) торговцы наркотиками и сырьём для их изготовления («банкир», «барыга»);
- препятствующих нелегальному потреблению наркотиков:

- a) специалисты, оказывающие медицинскую помощь («хронолог»);
- b) сотрудники структур, противодействующих незаконному обороту наркотиков («гонококи»).

2. Названия наркотических веществ:

- a) психостимуляторы («амфик», «первый», «орех»);
- b) психодепрессанты («чернобурка», «транки»);
- c) психодизлептики («кет», «люся»);
- d) собирательные названия («беда», «отрава», «лекарство»).

3. Формы наркотических веществ:

- a) таблетки («колёса», «шайбы»);
- b) порошки («рассыпуха»);
- c) кристаллы («соль», «камень»);
- d) растворы («компот»);
- e) растительное сырьё («дичка», «шала»);
- f) плодовые тела грибов («поганки»).

4. Ёмкости (единицы измерения) для упаковки, хранения, перевозки и продажи наркотиков:

- a) упаковки растворов («фуфыр»);
- b) упаковки таблеток («платформа»);
- c) упаковки порошков, кристаллов («чек»);
- d) самодельные мерные ёмкости («корабль»).

5. Предметы для изготовления наркотиков:

- a) оборудование («вешалка»);

- b) инструменты («аптека»);
 c) реактивы («мясо», «чёрный»).
6. Предметы для потребления наркотиков:
 a) шприцы («аппарат», «баян»);
 b) иглы для шприцов («колючка», «стрелка»);
 c) приспособления для курения («бонг», «бульбик»);
 d) вспомогательные предметы («весло», «метла»).
7. Места введения наркотиков: «центряк», «оборота», «метро», «святое место».
8. Способы приёма (введения) наркотиков: «ужалиться», «поноухон», «пых».
9. Обозначения действий по потреблению (приёму) наркотиков: «напас», «контроль».
10. Ощущения и переживания действия наркотиков:
 a) субъективно положительные после приёма («астрал», «кайф»);
 b) отрицательные после приёма («шуга», «тряска»);
 c) отрицательные после прекращения регулярного приёма («депресняк», «измена», «отходняк»).
11. Места, где проходит жизнь потребителей наркотиков:
 a) места торговли наркотиками («яма», «точка»);
 b) места потребления наркотиков («видла», «база»);
 c) места лечения от наркотической зависимости («дурка», «крейзер»);
 d) места изоляции от общества («зона»).

Лексика наркотизма, базируясь на принципах конспиративности и кросскультурности, имеет следующие характеристики:

Динамичность

Создание новых жаргонизмов поддерживается и стимулируется уголовным преследованием потребителей наркотиков. Как только становится известным явь «тайного» слова, возникает необходимость его замены. Равно как и тогда, когда появляется новое наркотическое вещество, ранее не имевшее широкого хождения.

Синонимия

Самоизоляция контркультуры потребителей наркотиков от «трезвого» (читай, не употребляющего наркотики) общества, в том числе и в части коммуницирования, тормозит появление неологизмов. Это компенсируется созданием многочисленных синонимов, что позволяет поддерживать необходимый уровень тайности содержания коммуникаций.

Литература:

1. Богданов, И. А. Ленинградский лексикон. Изд. 2-е, дораб. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — с. 135–136.
2. Введенская, Л. А. Русская лексикография: учебное пособие. — М.: ИКЦ «МарТ», — Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2007. — 352 с.
3. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е издание, исправленное и дополненное. — СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. — с. 325.
4. Горовой — Шалтан В. А. О патогенезе морфинной абстиненции (клиническое исследование). Автореф. дисс. докт. — Л, 1942. — 48 с.

Многозначность

Употребление одного и того же слова в разных значениях также поддерживает тайность общения носителей контркультуры, так как для понимания смысла их разговоров, нужны знания самого наркотизма.

Экспрессивность

Увеличение выразительности жаргонизмов достигается, как и в молодёжной субкультуре, путём усечения слов. Так, например, метамфетамин — мет, кетамин — кет, транквилизатор — транк и т. п.

Тенденция к заимствованиям

Новые жаргонизмы часто «экспортируются» в лексику потребителей наркотиков из других регионов и языков, что существенно экономит время на их создание и распространение.

Регионализм

Самоизоляция и противодействие наркотизму усиливает конспиративность коммуникаций потребителей наркотиков, дробит её на региональные социолекты, так как зависимость от наркотиков уменьшает мобильность их потребителей.

Транслитерация

Заимствования слов из других языков, при их незнании, нередко сопровождается становящимся трафаретным искажением по типу «как пишется — так и слышится».

Предварительное обозрение феноменологии современного жаргона наркотизма показывает следующее:

- Жаргон наркотизма, как и его контркультура имеет свои законы развития, принципы функционирования, методы и приёмы развития.
- Жаргон наркотизма динамично развивается и усложняется с увеличением числа потребителей наркотиков, уже составляющих в РФ от 1,5 до 3, 5 млн. человек.
- Количество потребителей наркотиков в России сохраняет устойчивую тенденцию к росту.
- Жаргон осуществляет инфильтрацию своих неологизмов в другие жаргоны, просторечие и литературный язык.

Необходимо дальнейшее изучение жаргона и аспектов его применения, как явления оказывающего негативное влияние на культуру, своего рода агитацию к девиантному поведению и образу жизни, что будет целью дальнейших исследований.

5. Иванова, Е. Б. Информированность подростков о проблеме наркоманий и токсикоманий // Актуальные вопросы формирования здорового образа жизни // Тезисы конференции 5–7 декабря 1990 г. — М., 1990. — с. 87.
6. Исаев, И. А. Врата бездны. Мистические механизмы наркомании. — М.: «ЭТП», 2003. — 368 с.
7. Маслов, В., В. Г. Помяловский и его «Очерки бурсы», вступительная статья. // Помяловский В. Г. Очерки бурсы. — Л.: Издательство «Художественная литература», 1971. — с. 3–11.
8. Овчинский, С. С. Преступное насилие. Преступность в городах/Сост. и вступ. ст. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2007. — VIII, 408 — (Библиотека криминолога). — с. 76.

Префиксальные глаголы движения в преподавании русского языка нерусским (научный стиль речи)

Фильцова Марина Сергеевна, старший преподаватель;
Лугин Игорь Анатольевич, доцент
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Известно, что уровень практического владения иностранным языком определяется степенью сформированности умений и навыков в различных видах речевой деятельности. Поскольку последняя осуществляется путём оперирования языковыми знаками, повышение качества обучения иноговорящих студентов предполагает поиск способов рационального обучения языковым средствам. Находить более эффективные способы обучения языку позволяет учебный материал, представленный в определённой системе.

На словообразовательном уровне языка часть лексики организуется с помощью словообразовательных морфем — префиксов, суффиксов, а также с помощью производящих основ. Именно поэтому при обучении русскому языку как иностранному/как неродному изучение словообразования разных частей речи рассматривается как источник пополнения лексического запаса учащихся. Следует отметить тесную связь словообразования с лексикой и грамматикой, что представляется для методики особенно важным, ибо «значение того или иного слова во многих случаях может быть раскрыто именно с помощью словообразовательных средств, и в то же время понимание словообразовательной структуры способствует осознанию грамматической формы слова» [2, с. 35]. Что касается глаголов движения, то деривационные отношения внутри этой лексико-семантической группы, а также методика их преподавания достаточно полно изучены и описаны применительно к иноговорящим учащимся, владеющим русским языком в объёме сертификационных уровней В₁ и частично В₂. Однако значительное увеличение числа учащихся из республик бывшего СССР (Узбекистан, Азербайджан, Туркменистан), изучавших русский язык в иной, нежели собственно иностранцы, системе, возвращает этим вопросам прежнюю актуальность — об этом свидетельствуют многочисленные ошибки в сфере префиксального и суффиксального глагольного словообразования. Следует подчеркнуть, что за годы учебы в медицинском вузе названные студенты должны овладеть русским языком прежде всего как языком специальности, и это заставляет по-новому

задумываться об отборе материала и его презентации с учётом типологической неоднородности родного и изучаемого (русского) языка.

Типологическая неоднородность особенно проявляется именно в словообразовании. Так, в агглютинативном узбекском языке структура слова является прозрачной, легко поддаётся анализу, в то время как во флективном русском морфемы в структуре слова так тесно спаяны между собой, что одна без другой часто не имеют полнозначного лексического и грамматического значения. Большие расхождения наблюдаются и в определении самой сущности аффиксов русского и узбекского языков. Из сказанного можно сделать вывод, что трудности, возникающие при изучении русского словообразования, двоякой природы: они связаны не только со спецификой словообразовательной системы русского языка, но и с интерферирующим влиянием родного языка. На основании этого мы принимаем как гипотезу следующий тезис: если при обучении русскому словообразованию в национальных группах будут учтены внутриязыковые и межъязыковые трудности, с которыми сталкиваются студенты при изучении русского языка как неродного, если работа по словообразованию будет построена от слова к словосочетанию, от него к предложению и далее к тексту, то знания по русскому словообразованию будут глубокими и прочными, поскольку такой отбор, организация и презентация материала в учебных целях способствуют пониманию студентами языка как системы и словообразования как особой его подсистемы, имеющей непосредственный выход в другие уровни языка, способствуют осознанному пониманию производной лексики и употреблению её в спонтанной речи. Подчеркнём при этом, что сопоставление явлений двух языков должно быть скрытым, а работа по словообразованию не может быть ограничена тем количеством часов, которое отводится по учебному плану. Кроме того, мы считаем необходимым обучать русскому словообразованию во взаимосвязи со всеми уровнями языка и всеми видами речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письменная речь).

Сказанное выше в полной мере относится к лексико-семантической группе глаголов движения, которые отличаются разветвлённостью словообразовательных отношений. При этом, как правило, в определённой системе изучаются лишь глаголы движения, употребляющиеся в разговорном литературном языке. Однако в научном стиле речи глаголы движения находятся в ином лексическом окружении, нежели в разговорном, имеют некоторые особенности со стороны словообразования и употребляются чаще всего в переносном значении. Особую трудность в обучении в силу своей распространённости в языке представляют префиксальные глаголы, чрезвычайно употребительные в научном стиле речи. Так, даже на коротком поле одного параграфа учебника нам встретилось 109 префиксальных глагольных форм и лишь 14 суффиксальных [4, с. 39–45]. При этом переносные значения глаголов движения далеко отходят от прямых значений. Ср., например: 1) *Чтобы более конкретно представить себе процесс гастрюляции, **приведём** следующий пример.* 2) *Можно **привести** в состояние анабиоза и более сложные многоклеточные организмы.* 3) *К группе гемопоэтинов **относится** целый список веществ.* 4) *Чтобы **избежать** гибели ткани при воспалительном процессе, назначают препараты, стимулирующие образование рубца.* Всё это приводит к возникновению у студентов, обучавшихся в национальных школах и не владеющих основами русского научного стиля речи, серьёзных трудностей при чтении литературы по специальности и подготовке собственных монологических высказываний по рассматриваемым вопросам.

В свете изложенного цель исследования может быть сформулирована следующим образом: определить круг наиболее продуктивных словообразовательных моделей глаголов движения, используемых в научном стиле речи (учебно-профессиональная и научно-профессиональная сферы общения; подъязык медицины) с целью их изучения в группах студентов-медиков, для которых русский язык является неродным; выявить оптимальные пути развития речи студентов и обогащения её производными названных словообразовательных моделей. Для решения поставленной задачи нами были использованы следующие методы исследования: сопоставительный (выявление основных трудностей усвоения русского словообразования студентами, для которых русский язык является неродным, и прогнозирование на основе этого типичных ошибок, определение причин их возникновения); наблюдение за речью студентов-билингвов; анализ текстов вузовских учебников по биологии, химии, гистологии, физиологии. В результате мы пришли к выводу, что наиболее частотными в научном стиле речи являются глаголы движения с префиксами *про-*, *при-*, которые превосходят по употребительности остальные префиксальные глаголы (префиксы *в-*, *вы-*, *от-*, *пере-*, *раз-*, *с-*, *ис-*, *у-*). Так, глаголы с префиксом *про-* могут иметь следующие значения: 1) «проникать через какое-либо препятствие или сквозь какое-либо отверстие из одного места в другое»: *Через мембрану клетки свободно **проходят** вода, соли и вещества с низким*

молекулярным весом [4, с. 24]; 2) «перемещаться»: *После образования сосудов питательный материал **проходит** по телу зародыша при помощи кровеносного русла* [4, с. 155]; 3) «находиться, располагаться (для протяжённых предметов)»: *Мезенхима **проходит** в промежутках между зародышевыми листками* [4, с. 155]; *При сокращении образуются параллельные линии, **проходящие** поперёк осей клеток* [4, с. 193]; 4) «пропускать, передавать»: *Щелевой контакт **проводит** сократительный импульс от одной мышечной клетки к другой* [4, с. 26]; *Изолированный нейрон способен **проводить** импульс в различных направлениях* [4, с. 212]; 5) «проделать путь, пройти какое-либо расстояние за какое-либо время; быть, иметься на протяжении какого-либо времени»: *Современная теория иммунитета **прошла** сложный и долгий путь становления и развития* [4, с. 143]; *В своём жизненном цикле фибробласты **проходят** несколько переходных стадий* [4, с. 161]; 6) «происходить»: *В гиалоплазме на рибосомах **проходит** синтез белков* [4, с. 21]; *Мобилизация соли кальция особенно интенсивно **проходит** в период беременности и лактации* [4, с. 181]; 7) «претерпевать»: *Одноклеточная стадия развития зародыша **проходит** период дробления* [1, с. 124]; 8) «производить, осуществлять»: *Резерфорд **проводил** опыты с α -частицами* [3, с. 59]; *Параллельно с Гамильтоном аналогичные опыты **провели** Рокк и Минкин* [4, с. 62].

Глаголы с префиксом *при-* могут иметь следующие значения: 1) «последовать в результате какого-либо действия, процесса и т. п.»: *Действие различных факторов на клетку **приводит** к ряду изменений* [4, с. 48]; 2) «доставлять»: *Необходимую центриоль в цитоплазму **приносит** сперматозоид* [4, с. 54]; *Чувствительные нервные окончания регистрируют импульсы, которые **приходят** от сенсорных рецепторов* [4, с. 217]; 3) «продемонстрировать»: ***Приведённые** выше названия не соответствуют механизму деления* [4, с. 53]; ***Приведём** ещё одно определение морфогенеза* [4, с. 82]; 4) «заставлять какое-либо тело двигаться, вращаться или принимать определённое положение»: ***Приведём** диск в быстрое вращение* [6, с. 266]; 5) «двигать что-либо в определённом направлении»: ***приводящие** мышцы.* Глагол *приходить* — *прийти* входит также в состав несвободных словосочетаний *приходить* — *прийти к выводу/к заключению*: *В результате опытов Г.Н. Петров **пришёл к заключению**, что для успеха эксперимента необходимо отделить сперматозоиды от семенной плазмы* [4, с. 63]. Особого внимания в силу трудностей в усвоении заслуживает глагол *приходиться* со значением «быть соответствующим чему-либо»: *Среди неорганических соединений до 97% **приходится** на соли кальция* [4, с. 182]; *Гематокрит — показатель, определяющий долю объёма крови, **приходящуюся** на форменные элементы* [4, с. 105]. Отметим, что кроме перечисленных случаев употребления глаголов с префиксами *про-*, *при-* в специальных текстах встречаются и некоторые другие зна-

чения названных префиксов, которые не являются исключительной принадлежностью научного стиля речи.

Достаточно частотны в языке специальной литературы глаголы с префиксом *пере-*, которые могут иметь следующие значения: 1) «перемещаться»: *Цистерны способны переходить в наружную ядерную мембрану* [4, с. 28]; 2) «превращаться, изменяться»: *При растяжении и сокращении органа меняется морфология эпителиального пласта: из многослойного он переходит в двухслойный и наоборот* [4, с. 97]; *Озон способен самопроизвольно переходить в кислород* [3, с. 42]; 3) «изменяться постепенно»: *Ротовое отверстие ведёт в короткую глотку, которая переходит в объёмистую среднюю кишку* [1, с. 155]; 4) «переходить к новому этапу, новому действию, новым единицам измерения и т. п.»: *В случае нарушения генерации импульсов в синусо-предсердном узле роль водителя ритма переходит к пейсмекерам предсердно-желудочкового узла* [4, с. 204]; *Умея находить химические формулы веществ, можно переходить к следующей задаче — составлению химических уравнений* [3, с. 28] — и некоторые другие значения. Употребительны также глаголы с префиксами *в-/вы-*, имеющие значения: 1) «направлять что-либо, направляться внутрь предмета/двигать что-либо, двигаться изнутри предмета»: *При витальном окрашивании краситель вводится в организм животных* [4, с. 15]/*Из ядра через поры выходят транспортные, рибосомные, информационные РНК* [4, с. 39]; 2) «быть одной из составных частей чего-либо» — глаголы с префиксом *в-*: *Цитоплазма — сложная коллоидная система, в состав которой входит вода...* [4, с. 21]; 3) «предложить» — глаголы с префиксом *в-*: *Гольджи разработал и ввёл в практику метод хромосеребряной окраски нервной ткани* [4, с. 29]; *Эта гипотеза вводит в науку представление о молекулах как о мельчайших частицах вещества* [3, с. 16]; 4) «начинаться в определённом месте» — глаголы с префиксом *вы-*: *Обе подключичные артерии выходят из дуги аорты* [1, с. 255]; 5) «выделяться» — глаголы с префиксом *вы-*: *Мелкие капли белков, полисахаридов, липидов и других веществ выводятся из клетки в виде пузырька...* [4, с. 25]; *Эритроциты образуются в красном костном мозге, откуда выходят в кровь* [4, с. 106]; 6) «произвести определённые математические действия» — глаголы с префиксом *вы-*: *Летающий электрон можно рассматривать как волну, длина которой выводится из уравнения де Бройля* [4, с. 16]; 7) «установить» — глагол *вывести*: *Из этого он вывел массу атома кислорода* [3, с. 15]; 8) «устранять» — глаголы с префиксом *вы-*: *Выделительная система выводит не только продукты обмена...* [1, с. 125]. Кроме того, глагол *выходить* является составной частью некоторых несвободных сочетаний: *выходить за пределы/за рамки чего-либо; выходить из какого-либо состояния: При раздражении гистиоциты могут выходить из неподвижного состояния* [4, с. 162]; *Колоссальная величина*

числа Авогадро выходит за пределы нашего воображения [3, с. 16].

Актуальными представляются глаголы с префиксом *от-*, широко представленные в научной речи. Ср., например, следующие значения: 1) «быть причисленным к какому-либо типу, виду, классу явлений, предметов и т. п.»: *К экзогенным пигментам относят/относятся частицы пыли, красители, каротин* [4, с. 38]; 2) «начинаться в определённом месте»: *Гомологичные хромосомы бивалентов отходят друг от друга* [4, с. 54]; 3) «двигаться в направлении в сторону от предмета»: *отводящие мышцы*; 4) «находиться в определённой пропорции»: *Массы атомов элементов относятся друг к другу, как массы их равных объёмов в газообразном состоянии* [3, с. 16] — и некоторые другие значения. Достаточно продуктивными являются также словообразовательные модели глаголов движения с префиксами *с-* (значение «совпадать в какой-либо точке»: *Фибриллы сходятся в центре и создают перегородку — диафрагму поры* [4, с. 39], а также значение «упрощать, превращать сложное в простое»: *Любую деформацию можно свести к двум наиболее простым* [6, с. 567]); *раз-/рас-* (значение «разъединяться»: *По 2 центриоли расходятся к полюсам клетки* [4, с. 45], значение «распространяться»: *Кровь разносит питательные вещества* [4, с. 101] и значение «не совпадать»: *Однако это новое представление во многих случаях расходилось с опытными данными* [3, с. 16]); *до-* (значение «достигать»: *Увеличивая деформацию тела, мы дойдём, наконец, до такой деформации...* [6, с. 566], а также значение «достигать определённого количества»: *Аксон — это отросток, длина которого может доходить до 1,5 м* [4, с. 208]); *под-* (глаголы отмечены главным образом в несвободном сочетании *подойти к вопросу/к теме* со значением «дальнейшее определение, раскрытие новой темы, вопроса, раздела»: *Во второй половине XIX века были сделаны первые попытки подойти к вопросу об абсолютной массе* [3, с. 55]. Встречаются также глаголы с префиксом *ис-* (значение «основываться») и (достаточно редко) — с префиксом *у-* (значение «удаляться, исчезать»): *Менделеев исходил из представления, что наиболее существенным свойством атома является его масса* [3, с. 22]; *Число Авогадро можно вычислить, исходя из этих уравнений* [3, с. 55]; *Кровь уносит из клеток углекислый газ и продукты обмена* [1, с. 165].

В изучении префиксального словообразования глаголов движения мы видим три этапа. Первый этап — наблюдение изучаемых глаголов в контексте (предложение, микротекст); выделение компонентов значения префиксов. Вторым этапом — изучение отдельных глаголов с определённым префиксом, когда акцент делается на избирательности префикса по отношению к каждому глаголу. На этом этапе не только сравниваются значения глаголов, но и определяются условия их употребления. На третьем этапе изучаются префиксальные глаголы целой группы мотивирующих глаголов,

близких по своей семантике (напр., *идти* — *ходить*, *вести* — *водить* и т. п.). Следует отметить, что такая система даёт хорошие результаты лишь при сравнительно большом общелитературном лексическом запасе и потому её можно рекомендовать для работы со студентами, для которых русский язык является не иностранным, а неродным.

На кафедре русского языка Медицинской академии имени С. И. Георгиевского подготовлен и введён в учебный процесс ряд материалов по обучению словообразованию, учитывающих внутриязыковую и межъязыковую интерференцию при изучении данного раздела языкознания (случаи типа *Спереди пищевод прилежит *на трахее; Лимфа отходит *с лимфатических сосудов* и т. п.), однако задача создания специального учебного пособия, в котором работа по словообразованию (в том числе и словообразованию глаголов движения) сопутствовала бы изучению категорий языка на всех уровнях, пока не решена. Наличие словообразовательного минимума в таком пособии, преемственность в изучении словообразования, прежде всего в научном стиле речи, является эффективным условием форми-

рования навыка понимания неизученных слов по их составу.

Сказанным определяется необходимость поиска путей совершенствования обучения русскому словообразованию с учётом достижений в области русского языкознания, сопоставительно-типологического описания языков, достижений лингводидактики, психо- и социолингвистики, современного состояния билингвизма. Эффективность работы по словообразованию во многом обеспечивается целенаправленным отбором словообразовательных моделей с учётом критериев частотности, практической необходимости, продуктивности, нормативности, структурной валентности слова, ориентации на последующие этапы обучения, а также системой заданий, направленной на овладение этими моделями. На основе речевого опыта и владения приёмами словообразовательного анализа у студентов развивается языковое чутьё, интуиция, необходимые для понимания вновь встречающихся слов, в том числе терминов, для развития пассивного и потенциального словаря. Обозначенный круг вопросов является предметом наших дальнейших изысканий.

Литература:

1. Агаджанян, Н. А., Смирнов В. М. Нормальная физиология/Н. А. Агаджанян, В. М. Смирнов. — М.: «Медицинское информационное агентство», 2012—567 с.
2. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза/И. Г. Милославский. — М.: «Наука», 1980. — 295 с.
3. Некрасов, Б. В. Учебник общей химии/Б. В. Некрасов. — М.: Химия, 1981. — 559 с.
4. Троценко, Б. В., Лугин И. А. Основы общей гистологии/Б. В. Троценко, И. А. Лугин // Учебное пособие. — Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. — 230 с. с илл.
5. Ширшов, И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. Комплексное описание русской лексики и словообразования/И. А. Ширшов. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО КПП «Ермак», 2004. — 1022 с.
6. Элементарный учебник физики: в 2 т./под ред. Г. С. Ландсберга. — М.: Наука, 1975. — Т. 1. — 656 с. с илл.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Средства массовой информации как компонент социокультурного развития общества

Захарова Марина Вадимовна, преподаватель, аспирант
Кубанский государственный университет

В статье рассматриваются основные направления формирования диалогового взаимодействия между личностью и властью, социокультурными и политическими силами. Подчеркивается важность роли СМИ в процессе образования подрастающего поколения и обосновывается необходимость системно и грамотно выстроить отношения юных потребителей информации с огромными ресурсами газет, журналов, кино, сети Интернет.

Ключевые слова: медиакультура, медиаобразование, медийное содержание.

Век XXI характеризуется формированием принципиально новой глобальной информационной среды. Появление новых средств массовой информации позволило соединить между собой самые разные виды человеческой деятельности, разделенные пространством и временем. в потоке разнообразной информации, объем и количество источников которой в наши дни все увеличиваются, мы находимся непрерывно и не представляем уже жизни без компьютерной сети, сотовой связи, газет и журналов, радио, телевидения и кино.

В этой связи особое значение в социокультурном развитии общества приобретают такие понятия как **медиакультура и медиаобразование**. «**Медиа**» (от латинского «medium» — средство, посредник) — достаточно широкое, неоднозначное понятие, суть которого еще в 1950-е — 1960-е годы попробовал передать знаменитый канадский ученый и публицист Герберт Маршалл Маклюэн в его книге «Понимание медиа: внешние расширения человека».

В последние десять лет именно проблемы «медиа» находятся в центре внимания российской общественности, науки и образования. В качестве синонима слова «медиа» широко используются термины «средства массовой информации» (СМИ) и «средства массовой коммуникации» (СМК) или «масс-медиа», в которых содержится идея связи между разными структурами общества и мира в целом. Существует множество точек зрения относительно проблемы медиа — одни в нем видят источник знаний, другие — серьезную помеху в образовании и воспитании, ведь именно медиа является и средством всестороннего развития личности, и фактором разрушительным.

Одно из главных условий становления гражданского общества, конечно же, это формирование диалогового взаимодействия между личностью и властью, социокультурными и политическими силами. Без этого диалога не может быть согласия, не может быть успешного развития государства. Ведущая роль в успешном осуществлении такого диалога принадлежит именно масс-медиа, которые выступают посредником между обществом и властью. Именно они генерируют и направляют основные потоки информации и способны наиболее эффективно удовлетворять информационные потребности граждан, согласовывать интересы личности, общества и государства. Успех же такого диалога возможен только при условии готовности к нему каждой из сторон. Вот почему сегодня на первый план выходит как **медиакультура** общества, так и **медиакультура** каждой отдельной личности.

В материалах ЮНЕСКО за 1984 г. этому направлению в педагогике дается следующее определение: «**Медиаобразование (media education)** связано со всеми видами медиа (печатными и графическими, звуковыми, экранными и т. д.) и различными технологиями; оно дает возможность людям понять, как массовая коммуникация используется в их социумах, овладеть способностями использования медиа в коммуникации с другими людьми; **обеспечивает человеку знание того, как:**

- анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты;
- определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы, их контекст;
- интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа;

- отбирать соответствующие медиа для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обращения заинтересованной в них аудитории;
- получить возможность свободного доступа к медиа, как для восприятия, так и для продукции.

То есть в основе «медиаобразования» лежит: «*Обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации, рассматриваемыми как часть специфической и автономной области знаний в педагогической теории и практике. Его следует отличать от использования СМК как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний*».

«Российская педагогическая энциклопедия» определяет медиаобразование как направление в педагогике, выступающее за изучение закономерностей массовой коммуникации (пресса, ТВ, радио, кино, видео и др.).

Основные задачи медиаобразования:

- подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации;
- научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику;
- овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств.

В наши дни также распространено более широкое понимание медиаобразования — не только как определенного компонента школьного или вузовского образования, но и как долговременной общественно-просветительской деятельности, распространяемой на детей и взрослых. Его сторонники понимают под медиаобразованием прежде всего непрерывное развитие личности в обществе. Важность *воспитания активных и информированных граждан*, формирования новой культуры общения со СМИ, которая способствовала бы органичному вхождению россиян в «информационное общество», возрастает по мере распространения новейших компьютерно-сетевых коммуникаций.

В современных *трактовах медиаобразования* упор делается на формирование у аудитории СМИ способности к активному, осмысленному потреблению и усвоению содержания масс-медиа, основанной на знаниях сущности, специфики и понимании целей-массовых коммуникаций. Помимо этого, необходимо также способствовать устойчивому развитию самостоятельного критического мышления по отношению к средствам массовой информации, приобретению практических навыков в выявлении ложных сведений и искажений в получаемой информации. Обогащение социального опыта аудитории в практике общения с печатной и электронной продукцией сформирует выработку стойкого иммунитета против манипулятивного влияния СМИ.

Необходимо широкое и повсеместное ознакомление широкой молодежной аудитории с социальной ролью и механизмами функционирования масс-медиа, с нормами и правилами профессиональной этики журналистов

и других творческих работников СМИ, жанрами журналистики, со спецификой редакционной «кухни». В выработке новой информационной культуры россиян, то есть *медиакультуры*, должны участвовать не только государственные институты образования и просвещения, но и общественные структуры, СМИ, располагающие большим потенциалом распространения знаний. Так, особая область журналистики — *медиакритика* — призвана органично дополнять усилия образовательных и просветительских институтов в формировании общественной культуры рационально-критического анализа и адекватного восприятия содержания СМИ, в развитии гражданской активности по отношению к печатной и электронной прессе. Во многом родственная медиаобразованию и способная участвовать в реализации его целей, медиакритика в то же время не сводится к выполнению задач «интеллектуальной самообороны» обществу, лежащих в основе наиболее радикальных идей медиаобразования.

Признавая важную роль СМИ в процессе образования подрастающего поколения, необходимо системно и грамотно выстроить отношения юных потребителей информации с огромными ресурсами газет, журналов, кино, сети Интернет. Потреблению информации надо учить так же терпеливо и продуманно, как музыке и живописи. Остро стоит необходимость разработки комплексной Программы медиаобразования, которая охватывала бы разные категории детей, подростков, студенческой молодежи, учитывающая разные условия их обучения и воспитания. В ряде европейских стран есть центры по работе со СМИ при Министерствах национального образования.

Эта проблема сегодня возведена в ранг государственной образовательной политики. В соответствии с проектом Закона об образовании Российской Федерации к компетенции образовательного учреждения отнесено и «обеспечение создания и ведение официального сайта образовательной организации в Интернете, обеспечивающего информационную открытость образовательной организации». Так создание и ведение собственных сайтов в каждом образовательном учреждении — сегодня это эффективное средство, как продвижения образовательных услуг, так и постепенное и повсеместное внедрение медиаобразовательных технологий.

Можно привести немало примеров успешной реализации педагогических технологий, связанных с использованием, анализом и производством медиа в различных регионах России, в том числе и в Краснодарском крае. В качестве примера можно привести деятельность студентов факультета журналистики КУБГУ в рамках специальных образовательных программ. Так, изучение и использование современных технических и программных возможностей учебной лаборатории редакционно-издательских технологий помогает студентам развивать свои практические навыки в сфере любых редакционно-издательских процессов: от обработки текста до верстки, дизайна и проектирования собственного издания. Студенты готовят прототипы макетов полос,

предлагают свои идеи, ищут образцы дизайна. На базе лаборатории проходят все практические модули учебных курсов по цифровой допечатной подготовке изданий, технике и технологии печатных СМИ, разработке и выпуску печатных изданий, искусству бизнес-презентации, визуальной журналистике, дизайну мультимедийных изданий. Студенты имеют возможность развивать свои навыки владения программным обеспечением, разрабатывать самостоятельные визуальные материалы, печатные издания, веб-проекты.

Здесь разрабатывается, совершенствуется и апробируется в конкретных экспериментах методика комплексного моделирования периодических издания. Эта методика поэтапно описывает, как должна разрабатываться, анализироваться или корректироваться модель газеты или журнала. Она предполагает участие молодых исследователей в четырех уровнях подготовки изданий: определение типологического статуса издания, его тематического разнообразия, жанровой структуры и композиционно-графической модели.

Интересен издательский проект студентов факультета журналистики, осуществляемый на протяжении последних двух лет — научно-популярный журнал «INFOBOX». Журнал «INFOBOX» — это серия специализированных выпусков, в печатной и электронной

форме содержащих систематизированные актуальные материалы, которые целесообразно применять в процессе изучения различных специальных учебных дисциплин факультета. Этот проект можно рассмотреть в качестве наглядного примера применения современных медиа-образовательных технологий в высшем учебном заведении и разработки нового образовательного ресурса.

Одной из важных и актуальных общественных задач является сегодня преодоление сугубо потребительского отношения публики к средствам массовой информации, формирующегося в условиях информационного рынка. Восприятие аудиторией информации непосредственно зависит от *способности к активному творческому освоению содержания СМИ*, его логической переработке. Потребление медийного содержания, лишённое активного интеллектуально-творческого начала, существенно сужает познавательные возможности аудитории, обедняет ее восприятие.

В конечном счете, *медиаобразование призвано расширить число людей, обладающих качествами сознательных участников коммуникационных процессов*, способных оказывать реальное влияние на СМИ, активно и творчески участвовать в формировании гражданского общества в России.

Литература:

1. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. «КАНОН-пресс-Ц» 2003
2. Реснянская, Л. Двусторонняя — коммуникация: общественный диалог. М. 2001.
3. Федоров, А. В. Медиапедагогика Ю. Н. Усова // Искусство и образование. 2003. — № № 3, 4.
4. Федоров, А. В. Терминология медиаобразования // Искусство и образование. — 2000. — № 2. — с. 33–38.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Роль перевода в жизни человечества

Холбеков Мухаммаджон Нуркосимович, доктор филологических наук, профессор;
 Яхшиева Зулфизар Шавкатовна, преподаватель;
 Абраимова Назира Умркуловна, преподаватель
 Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

В статье рассмотрен период глобализации, где перевод принимает особое значение, поскольку невозможно представить себе политическую, научную, культурную жизнь общества без перевода и профессии переводчика. Сегодня мы наблюдаем возрастание «переводческого фактора», что создает существенно новые условия для искусства, в том числе и для художественной литературы.

Ключевые слова: перевод, коммуникация, культура речи, мировая общественность.

Говоря о переводческой деятельности, можно сказать, что она вторглась во все сферы жизнедеятельности человека, прежде всего, имеющие непосредственное отношение к промышленности, экономике, международным культурным связям. Переводческая деятельность на сегодняшний день охватывает почти всю толщу существования человека и общества. Наряду с глобальным развитием средств коммуникаций и массовой информации перевод как составная часть этого уникального процесса принимает широкое участие в тех кардинальных изменениях всемирной ситуации, которые часто стали определять как «четвертую промышленную революцию», т. е. наступление эпохи электронных технологий.

Международная федерация переводчиков на сегодняшний день объединяет более ста национальных ассоциаций переводчиков в пятидесяти странах мира на пяти континентах и насчитывает свыше 60000 профессиональных переводчиков, активно поддерживает консультативные отношения с ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и другими влиятельными международными организациями.

Совершим небольшой экскурс в историю. На II конгрессе ФИТ, прошедшем в 1956 году в Риме, впервые обсуждались вопросы интеллектуальной собственности переводчиков. На IV конгрессе (Дубровник, 1963 год) были выработаны, рекомендации относительно подготовки переводчиков и критериев профессиональной аттестации переводчиков, а также принята Хартия о правах и обязанностях переводчика.

В 1976 году на Генеральной ассамблее ЮНЕСКО, проведенной в Найроби (Кения) представителями 143 государств-членов этой международной организации в целях улучшения условий труда, создания необходимых юридических гарантий была принята рекомен-

дация по юридической защите переводчиков и переводов.

На XIII конгрессе (Брайтон, 1993 год) ФИТ приняла в свои ряды Российский союз в качестве своего полноправного члена. XV всемирный конгресс ФИТ прошел в начале августа 1999 года в Монсе (Бельгия), в его работе из государств СНГ участвовала только делегация Союза переводчиков России. XVI конгресс ФИТ работал в Ванкувере (Канада), где был избран новый состав Совета ФИТ на 2002–2005 годы. Президентом ФИТ избрана Бетти Коэн (Betty Cohen) из Канады. XVII конгресс ФИТ состоялся 2–10 августа 2005 года в Тампере (Финляндия). 2–7 августа 2008 в г. Шанхае (Китай) состоялся XVIII Всемирный конгресс ФИТ. Участвовало рекордное число специалистов — 1452 человека из 76 стран. XIX конгресс прошёл в 30–31 июля 2011 года в г. Сан-Франциско (США).

ФИТ ведёт большую работу по укреплению материально-технической базы переводческих организаций в различных странах, организывает и проводит многочисленные научно-практические конференции, симпозиумы и форумы, на которых рассматриваются важнейшие вопросы переводческой деятельности.

Среди создателей научно разработанной теоретической модели перевода были канадские учёные Жан-Поль Виньи (*Jean-Paul Vinay*, 1910–1999) и Жан Дарбельне (*Jean Darbelnet*, 1904–1990), которые в своём достаточно объёмном исследовании рассматривали перевод в аспекте сопоставительной лингвистики путём сближения двух языковых систем в процессе перевода, используя, в свою очередь, это определение у знаменитого швейцарского лингвиста Шарля Балли: «У переводчика перед глазами находится пункт отправления, и ему необходимо создать в своём сознании пункт прибытия» [Vinay, Darbelnet 1958, 332].

Таким образом, перевод был введён в общую лингвистическую проблематику, превращаясь в частный случай сопоставления языков. Разработка концепции перевода как сопоставительной стилистики двух языков, вступающих в непосредственный контакт друг с другом, означала серьёзный шаг по пути формализации перевода.

В 70-е годы XX века разработка принципов «машинного перевода» потребовала большой работы по приспособлению языковых процессов к возможности их точного описания, формализации и программирования. Учёные-лингвисты, вплотную занимавшиеся этими исследованиями, говорили и о невозможности точного, дословного перевода и о неизбежности упрощений, схематичности при переводе текста автоматическими системами перевода и поэтому исключали из сферы его применения художественную литературу.

В 1984 году на Конгрессе ФИТ австрийский лингвист Марио Вандрушка (*Mario Wandruszka*, 1911–2004) отметив, что попытки заменить «живого» переводчика автоматической системой не привели к ожидаемым результатам, в то же время подчеркнул, что исследования в этом направлении дали возможность создать «банки данных», «автоматические словари» и ряд других технических усовершенствований, которые если и не заменят переводчика, то могут оказать ему неоценимую помощь в работе [Wandruszka 1984, 289].

Солидарны с мнением М. Вандрушки были и американские лингвисты, которые безапелляционно утверждали, что «делая перевод цельного научного текста с помощью машины, не получили перевода годного к применению. Поэтому нет близкой или предсказуемой перспективы получения соответствующего требованиям машинного перевода».

Действительно, в середине XX века стали вовсе разрабатываться различные программы машинного (компьютерного) перевода. Однако даже в XXI веке, веке высоких технологий, эти программы оставляют желать лучшего, поскольку, по словам австрийской писательницы Марии Эбнер —

Эшенбах: «Дух языка отчетливее всего выражается в непереводаемых словах», а для перевода необходим человек с его умением «переводить мысль в мысль». Тем не менее, следует признать, что машинный перевод бывает полезен для быстрого «чернового» перевода.

В 1990-х годах особое значение для лингвистических исследований имели точки зрения ученых-лингвистов Р.О. Якобсона, высказанные им в книге «О лингвистических аспектах перевода» (1959) и американца

Юджина Найда, изложенные в работе «Природа динамической эквивалентности при переводе» (*The Nature of Dynamic Equivalence in Translating*, 1977).

Р.О. Якобсон первым ввёл понятие «перевод» как одно из основополагающих в семиотику, используя его, выйдя далеко за рамки языковых процессов и представив перевод с одного языка на другой как частный случай функционирования знаковых систем вообще. Он предложил следующие дефиниции: а) внутриязыковой перевод, т.е. интерпретация вербальных знаков посредством других знаков того же языка; б) межъязыковой перевод, т.е. интерпретация вербальных знаков посредством знаков какого-либо другого языка; в) межсемиотический перевод, т.е. интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем. Вызывает определенные сомнения тот факт, что Р.О. Якобсон не рассматривает перевод художественной литературы комплексно, но пишет, что «широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, в частности переводческая деятельность, должна находиться под пристальным вниманием лингвистической науки» [Якобсон 1964, 243].

Созвучные мнениям Р.О. Якобсона концепции разрабатывались в узбекской лингвистической науке учёными Л. Абдуллаевой («Некоторые стилистические вопросы перевода с русского на узбекский язык», 1964) и К. Мусаевым («Стилистические вопросы художественного перевода с английского на узбекский язык», 1967). Их исследования достигли положительных результатов и, в дальнейшем, стали основой для разработки целого научно-методического комплекса для внедрения их в практику перевода.

Сам перевод и переводческую деятельность можно назвать не только инструментом, созданным человечеством на протяжении веков для преодоления разобщающего народа «вавилонского проклятия», но и двигателем международного культурного развития, средством обогащения и расширения внутреннего мира человека, ставшим давно уже привычным и повседневным, одним из самых доступных людям. С точки зрения своей подлинной сути, он представляет собой нейтральный канал связи.

Нет сомнений в том, что роль перевода будет возрастать по мере развития мировой цивилизации и дальнейшего сокращения расстояний между народами. И если XX век был «веком перевода», то XXI век с полным правом можно назвать «веком художественного перевода» (П.М. Топер 2000, 253). Для филологической науки это будет означать появление обширной, пока ещё мало изученной области человеческих знаний.

Литература:

1. Vinay, J. P. and Darbelnet J. Stylistique comparee du frantpais et de l'anglais. Methode de traduction. — Paris: Marcel Didier; First Edition, 1958. — P. 332.
2. Wandruszka, Mario. Das Leben der Sprachen: vom menschlichen Sprechen und Gespra'ch/Published 1984 by Deutsche Verlags-Anstalt in Stuttgart. — P. 289.

3. Якобсон, Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1964, — С. 243.
4. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения/РАН; ИМЛИ. — М.: Наследие, 2000. — с. 253.

Филология и лингвистика

Международный научный журнал

№ 1 (03) / 2016

Редакционная коллегия:

Главный редактор:
Ахметов И. Г.
Члены редакционной коллегии:
Арошидзе П. Л.
Брезгин В. С.
Велковска Г. Ц.
Желнова К. В.
Кучерявенко С. А.
Матроскина Т. В.
Яхина А. С.

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.
Верстка: Бурьянов П. Я.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;
фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2412-4028

Подписано в печать 5.04.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25